

Империя
и
Король

Анна Гин

Анна Флин
Птица и Король
Серия «Блуждающие миры», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69914965

SelfPub; 2023

Аннотация

Суровая и безжалостная северная империя – Ильштрасс, где магия запрещена и маги преследуются, казалась, была в безопасности после многолетней охоты на тех, кто обладал волшебными способностями. Но ни одно обещание не вечно. Вдруг приходит новость о возвращении самого могущественного и опасного мага в истории. Великая угроза возрождается, и мир Ильштрасса оказывается на пороге перемен. Абигейл оказывается втянутой в события, которые не только изменили её жизнь, но и подвергли её опасности. Теперь ей предстоит принять решение, которое изменит всё.

Анна Флин

Птица и Король

Предисловие

Ильштрасс – суровое место Земного мира. Империя, объединившаяся под единым флагом после захвата трёх северных королевств: Ильштрасс, Олтгейм, Фьерзир. Север не жалует странников, а местные искореняют магию.

Ильштрасс находится сразу за высокими горами и окружён безжизненным Северным лесом. В империи не жалуют колдунов и магию. Любой, кого уличат в чародействе, предстанет перед Великим Судьёй. Решение его едино и всем известно – смертная казнь.

Но ходит легенда, что в давние времена, когда магия была обыденным зрелищем и Земной мир купался в её величии, среди магов был один, чей аппетит на власть и бессмертие был неутолим. Имя его забыто, потеряно в веках. Сила его была безграничной, и он владел знаниями, способными создать или разрушить мир. И боялись его даже самые могущественные правители.

Потому предали тело его земле, а душу запечатали навеки в Марвирте – загробном мире для всех чародеев. Там он остался, жаждущий власти и мести. В ожидании момента, когда найдёт путь вернуться в мир живых.

Легенда гласит, что если он найдёт младенца, способного служить ключом к возвращению, то великая угроза обрушится на Земной мир. Ибо если маг возродится, то обрушит силу своей мести на всё живое. И не будет спасения никому. И не останется надежды.

Глава 1

«Тот, кто стремится найти спасение, нередко подвергает себя риску обнаружить свою погибель»

В кабинете освещение было довольно тусклым. Дуглас попросил потушить большую часть свечей. Сидя в широком кожаном кресле, граф перебирает пальцами по дубовому столу. Его младший брат присаживается на кожаный диван, стоящий недалеко от стола. Мужчины напряжённо смотрят друг на друга. Предстоящий разговор не для посторонних ушей. Граф несколько раз проверил, закрыта ли дверь, дал занятие всем слугам, чтобы никто не слонялся без дела. Да, возможно, он перегибает палку, но если кто-либо узнает их тайну, его любимая дочь может лишиться жизни.

– Денли, я получил письмо от одного уважаемого лорда, – начинает старший Грефт. – Написанное напугало меня.

– Продолжай, – шёпотом просит младший Грефт.

Граф достаёт из ящика стола скрученное втрое письмо. Мгновение он держит рукопись в своих руках, а затем кидает

на край стола. Денли лениво поднимается с дивана. Его ноги медленно идут по узорчатому ковру. Он останавливается напротив стола и берёт рукой бумагу. Затем разворачивает её так, чтобы чётко видеть каждую букву. Денли медленно читает.

– Я не могу поверить в то, что читаю! – Он отрывает взгляд от рукописи и смотрит на старшего брата. – Дуглас, что это всё значит?

– Думаешь, это возможно? – Граф берёт стакан с крепким виски и делает жадный глоток.

Денли следит за братом. Письмо возвращается на стол. Его руки касаются напряжённого лба. Он в замешательстве.

– Почему нет? Он маг, и он предлагает твоей дочери свою руку, – аккуратно произносит Денли. – Согласись, это невероятная удача. Он знает о её особенностях. Знает об нависшей над всеми нами опасности. То, что он просит взамен – ерунда! В конце концов, ты не брал на себя никаких обязательств перед той... дамой.

Дуглас опускает голову на согнутую в локте руку и громко выдыхает. Если есть хотя бы маленькая вероятность успеха, если есть крошечная надежда, что его дочь обретёт счастье, – он должен рискнуть.

– Он может оказаться лгуном, – говорит граф и устало трёт виски. – Что, если он получит желаемое и исчезнет?

Младший Грефт опускает руки и разворачивается в сторону дивана. На его лице задумчивое выражение. Он раз-

мышляет о возможном капкане для себя и любимой племянницы.

– Пусть сначала женится на ней, – говорит Денли. – Сам знаешь, что случается с теми, кто не соблюдает обеты, данные Возрождённому. Они поженятся, но прежде ты возьмёшь с него клятву на крови.

– Ты с ума сошёл?! – восклицает старший Грефт. – Он ни за что не согласится.

– Согласится, – уверенно отвечает Денли и опускается на диван. – Ему очень нужно местонахождение Пророчицы. Сам знаешь, найти её может только светлая душа. Клятва на крови для него не опасна, если он не задумал навредить нашей Абигейл.

Дуглас встаёт. Его жизнь не была простой. Мужчина много лет носит в себе болезненный груз ответственности, который лишил его сна и покоя. Он не расслабляется, не даёт себе слабину. Сложный обряд сокрытия души с каждым новым днём иссушает его кости, приближая слишком быструю и неестественную старость. Уже сейчас его руки дрожат, как у старика, а ноги часто подводят отсутствием крепости. Но он готов отдать ещё больше. Заплатить любую цену. Ради неё...

Мысли о дочери наполняют его радостью, любовью и нежностью. Временами загорается вспышкой страх, но Дуглас привычно прячет его так глубоко, как только может. Разве можно любить и одновременно бояться? Его милая девочка

пока и не догадывается, какой ужас носит в себе.

– Клятва на крови будет действовать, только пока я жив, – обречённо произносит старший Грефт. – Сам знаешь, мне осталось недолго.

– Мы завяжем её на мне, – отвечает младший брат. – Как только наша кровь соединится, лорд не сможет отказаться от данных им обетов и будет связан узами с Абигейл до конца моих дней или же, пока она сама не захочет расторгнуть союз. Если он нарушит клятву, он умрёт.

– Сомневаюсь, что он даст на это своё согласие, – качает головой Дуглас.

– Немедленно напишу ему письмо, – сообщает Денли с интуиизмом.

– Ты бы прилёг. На тебе лица нет, – заботливо произносит старший Грефт.

Брат прибыл в его замок несколько часов назад. Он провёл в дороге несколько суток и сразу поспешил к нему в кабинет после непродолжительного посещения ванной комнаты. Его лицо серое и уставшее, под глазами залегли тени. Дуглас решает, что сам напишет письмо, а брату даст возможность как следует отдохнуть с дороги.

– Иди спать, – просит граф. – Я всё сделаю сам.

– Нужно подготовить Абигейл. Для неё эта новость не будет приятной, – выдыхает Денли.

– Эмилия уладит это.

– Вся надежда на её мудрость, – соглашается младший

Грефт.

— Тебе нужно выспаться. — Дуглас встаёт из-за стола. — Выглядишь ты ужасно.

— Драгоценный брат, ты, как всегда, учтив и любезен, — усмехается младший Грефт, поднимаясь на ноги. — Не засиживайся допоздна. Навещай хоть изредка жену.

Граф сделал вид, что не услышал последней фразы.

— Не терзай себя! Мы найдём выход, — Денли хлопает брата по плечу и скрывается за дверью.

Утро понедельника ничем не отличается от любого другого дня. Во всяком случае, для меня. Привычным жестом я провожу по волосам, убирая надоедливые пряди от лица. Ароматные простыни с аккуратной вышивкой украшают мою широкую постель с четырьмя высокими стойками. В комнате светло. Ветерок нежно колышет шторы, запуская через открытое окно серебристые снежинки.

Потягиваюсь и развеиваю остатки сна.

Детский смех раздаётся на весь внутренний двор замка. Свою брови к переносице и встаю с кровати. Дети весело играют во главе с моим младшим братом Денни. С улыбкой обвожу взглядом заснеженный двор. Брату двенадцать лет отроду, а он поднял на уши всех в замке. Представляю, как сейчас злится мама. Графиня безумно любит своих детей,

но не выносит детские шалости. Часто мы с братом и сёстрами дурачимся от души, чем выводим маму из себя. Для нас это всегда заканчивается домашним арестом минимум на сутки. Но игра стоит свеч.

– Если ты сейчас же не прекратишь этот фарс, я буду вынуждена пересмотреть твоё воспитание! – раздаётся мамин голос.

Она вне себя. Конечно, все её угрозы никогда не воплощались на практике. И все мы это знали. Но мама стабильно вскидывала указательный палец правой руки вверх и говорила, что и как она с нами сделает, если мы её не послушаемся.

– Ещё немного. Я же только вышел! – с обидой произносит брат.

Я поправляю ночную рубашку и распахиваю окно. Открывается привлекательная картина: брат и мальчик Эрл дерутся палками, видимо, воображая их мечами. Рядом стоят мои сестрички – Роза и Элли. Брат вскидывает палку и наносит поражающий удар в район живота противника. Эрли театрально сгибается, бормочет что-то и падает, поднимая облако пыли.

– Я победил тебя! Как ты посмел обидеть леди Элли и леди Роза? – кричит брат, направляясь к побеждённому. – Это дело чести! – Он добивает своего врага.

– Денни победил! – кричат хором сёстры и бегут к брату. Роза первая крепко обнимает победителя. Я смеюсь. Ре-

бятя умеют придумывать весёлые игры. На прошлой неделе Денни был Императором Ильштрасса, а Рози и Элли – его дочками – принцессами. Перевожу взгляд на маму и замечаю поджатые губы. Быть беде.

– Денни, идём! Скоро приедет учитель. – Графиня протягивает руку сыну. Он берёт её с неохотой.

– Может, не сегодня, мама? – жалобно стонет брат, медленно перебирая ноги.

– Сегодня и завтра, и всегда. Не испытывай моё терпение, у меня куча дел. Элли и Рози! Вы тоже идёте, девочки.

Сёстры, насупившись, подбирают юбки и следуют в дом. Эрл бежит к воротам замка, видимо, чтобы продолжить играть. Я задумчиво вздыхаю. Вот и поиграли. В нашей семье строгие правила и мало свободы. Мама усердно следит за нашим образованием. Отец занят тем, чтобы я не покидала территорию замка. Но иногда так хочется просто бегать на ледяное озеро, обливаться холодной водой и искать приключений.

Ильштрасс – северная империя Земного мира. Здесь живут по-настоящему суровые люди, и ценности страны далеки от миролюбивых. Наша империя всё ещё отлавливает магически одарённых людей и убивает в угоду прихоти Возрождённых. Такого нет, например, в южной Рации или в восточной Ферлии.

Моё детство прошло в закрытой комнате. Я придумывала для себя различные занятия, и любимым было – игра в ка-

мешки. Это было весело. Помню, мне казалось, что я играю в эту игру ни одна. Причудливое детское воспоминание.

Пора приводить себя в порядок, иначе и мне от матушки достанется. Звоню в колокольчик.

– Леди, доброго вам утра.

В комнату заходит молодая девушка. Миа – дочь домохозяйки, которая держит в крепкой узде всех слуг дома.

– Я хотела бы надеть зелёное платье сегодня, – говорю я.

Мы направляемся в ванную. Это небольшая светлая комната, стены которой украшены тонкой плиткой из белого мрамора. В углу стоит деревянный столик, на котором нашли себе место баночки с благовонными маслами. Миа берёт кувшин с прохладной водой и направляется к каменной чаше. Умываюсь я медленно. После служанка помогает мне надеть бельё и затянуть корсет. Сверху я надеваю тёплое платье из тонкой шерсти козы. Её доставляют на наш север из тёплой южной Рации.

Волосы собирать в причёску мы не стали. Только хорошо прочесали и смазали ароматным маслом. Я часто прибегаю к этой процедуре. Мне достались жутко непослушные, густые волнистые чёрные волосы. К слову, в моей светловолосой семье я значительно выделяюсь.

Надеваю обувь и подхожу к большому зеркалу. В отражении на меня смотрит худенькая бледная девушка с чёрными густыми волосами и светлыми зелёными глазами.

– Немного ароматного масла не повредит, – улыбает-

ся Миа.

Я протягиваю руку. Служанка капает мне на тыльную сторону ладони каплю ароматного масла лаванды.

– На улице сегодня не идёт снег, – сообщает Миа, закручивая стеклянную баночку. – Вы могли бы позавтракать на свежем воздухе.

– Буду завтракать со всеми, – отвечаю скучающим тоном.

В дверь постучали. Миа без слов уходит заправлять мою постель и наводить порядок в ванной.

– Ты одета, дорогая? – нежный мамин голос звучит за дверью. – Я могу войти?

– Да-да.

Каждое утро графиня приходит в мою комнату, но я знаю её истинные мотивы. Мама проверяет, можно ли меня выпустить в свет.

– Доброе утро, моя красавица, – нежно обнимает меня графиня.

Я подставляю щеку для поцелуя. Мама держит меня перед собой на вытянутых руках и оценивающе осматривает мой внешний вид.

– В этом платье ты выглядишь ещё худее. Нужно позвать портниху и обсудить с ней как добавить тебе веса.

Я закатываю глаза.

По мнению мамы, под идеалы женского тела я совсем не подхожу. Благодаря ежедневным тренировкам отца, я стройная, с выступающими жилами, сухощавая. Но без них

я была бы просто худой и плоской.

– Твоя фигура, моя девочка, идеальна для озорного мальчугана. Когда же ты уже войдёшь в полноту зрелости?

Вопрос был риторическим. Ответ на него не знает никто. Я лишь пожимаю плечами и даю понять, что тема мне неприятна.

– Но должна признать, что этот цвет тебе к лицу.

– Благодарю вас, мама.

Графиня убирает непослушную прядь от моего лица. Проводит ладонью по моей щеке. В её взгляде нежность и ласка.

– Ты сегодня другая. Совсем уже взрослая.

– Вас это расстраивает?

– Как и любого родителя, когда его дети становятся взрослыми.

Я улыбаюсь. В незакрытых дверях появляется силуэт. Замечаю его боковым зрением.

– Абигейл!

Резко разворачиваюсь на звук знакомого голоса. В дверях стоит Райн – сын дядюшки Денли и мой брат. Он одет в кожаный дублет поверх белой рубашки. Его лицо уставшее, бледное, но счастливое.

– Райн, выйди! Ты в комнате леди.

Я широко улыбаюсь. Брат подбегает и подхватывает меня на руки. Мы кружимся. Я кричу от счастья, что снова могу его видеть, а он обнимает меня, крепко прижимая к себе.

– Соблюдайте приличия! – раздаётся строгий голос гра-

фини за нашей спиной.

Я запрокидываю голову. Все вокруг расплывается.

– Поставь её, Райн, вдруг кто увидит.

Брат послушно опускает меня на пол. Голова кружится от полёта и счастья. Я не видела брата несколько лет. С детства мы были очень близки. По удивительной причуде природы в нашем роду рождаются одни блондины. Мой отец и его родной брат имеют волосы цвета молодой пшеницы. Их жёны тоже светловолосы, как и дети. Я касаюсь рукой белых волос брата и слегка взбиваю их.

– Я так рада тебя видеть! Когда вы приехали?

Райн удивлённо поднимает одну бровь.

– Разве ты не знала, что мы приедем?

Я перевожу взгляд на маму. Видимо, она умеет читать по глазам, потому что сразу же отвечает:

– Мы с отцом решили сделать тебе сюрприз.

– Тётушка тоже здесь?

Графиня кивает.

Мне привезли моих любимых дядюшку, тётушку и брата. Что может быть лучше? Ещё раз крепко обнимаю брата.

– Время завтрака, дети.

Мама улыбается и направляется к двери.

– Не терпится увидеть остальных!

Я пробегаю мимо графини. Спускаюсь по каменной лестнице в большой зал. Меня переполняет восторг. Огромный зал с высокими сводчатыми потолками и массивными сте-

нами из тёмного камня смотрится величественно. На фоне глубокого бархатного пурпурного ковра, украшенного золотыми шевронами, тянется длинный дубовый стол с золочёными креслами и бархатными подушками.

Камин, расположенный на одной из стен, бурлит могучим пламенем. Над ним висит громадный мраморный щит с гербом семьи, выгравированный золотом и серебром. Вдоль стен висят огромные тёмные гобелены с изображениями предков. Люстра из свечей поднимается под самый потолок.

Воздух наполнен запахом тёплого хлеба, приправленного корицей и ягодами.

«Думаю ты понимаешь, о чём я...» – улавливаю отрывок дядюшкиной фразы.

Бегу к нему навстречу, широко раскинув руки для крепких объятий.

– Абигейл, дорогая!

Дядя обнимает меня, а я блаженно утыкаюсь носом в его грудь.

– Ты выросла, девочка. Совсем уже большая.

– Немаленькая точно! Но всё ещё как ребёнок ведёт себя, – усмехается мой отец.

Я грозно на него смотрю.

– Что? Разве я не прав? – Он поднимает брови и смеётся.

– Конечно, ты не прав! – защищает меня дядя. – Моя прекрасная племянница может вести себя так, как ей хочется. В любом возрасте.

Отец усмехается и отходит в сторону, оставляя нас с дядей.

– Зелёный цвет тебе очень идёт.

– Спасибо, дядюшка Денли. Где тётя?

– Яви задерживается. Мы были сутки в пути.

Я понимающе киваю. Замок наполнен ароматами и звуками. Слуги выполняют свою работу. Отец обнимает жену. Райн развлекает сестричек и Денни.

– Позволь сказать тебе кое-что, Аби.

Поворачиваю лицо к дяде. На его плечах красуются белые меха. Дядюшка обладает необычайно добрыми глазами с небольшими тонкими морщинками вокруг них. Он всегда радуется и умеет быть счастливым даже в самых сложных ситуациях. Однажды, когда он был юношей, ему случайно на охоте отрубили большой палец на правой руке. Ему пришлось переучиваться держать меч в левой. Он назвал это своей удачей и преимуществом. Мало кто сравнится с дядей Денли в бою на мечях, несмотря на его леворукость.

– Будь терпелива. Я прекрасно помню себя в твоём возрасте. – Дядя продолжает обнимать меня за талию. – Весь мир казался мне открытым и добрым. Просто знай, что я и твой отец, желаем для тебя только самого лучшего. Мы любим тебя.

Глаза начинает щипать. Я прижимаюсь к руке дядюшки и киваю.

– Знаю.

– Наши действия ты сможешь понять только с возрастом, – он улыбается. – Так обычно и бывает.

– Я знаю, что Мать Прародительница дала мне самого лучшего папу и дядю. Я люблю вас.

– А как же я? – Райн показательно обижается. – Меня ты, значит, не любишь?

– Люблю, – усмехаюсь на его заявление.

Дядя передаёт меня в руки брата. Райн старше меня на несколько месяцев. Он высокий красавец блондин с яркими голубыми глазами и сияющей доброй улыбкой. А я зеленоглазая брюнетка с ограниченными познаниями о мире. В детстве он часто гостил у нас всё лето и был моим лучшим другом. Сейчас, когда мы стали взрослыми, ничего не изменилось. Но внутри мы те же маленькие детишки.

– Если любишь, то примешь подарок.

Я вижу, как он достаёт коробочку из кармана. Она маленькая, бархатная и тёмно-синяя.

– Я не смог удержаться! – Улыбается брат и раскрывает мою ладонь, чтобы положить мне в руку подарок.

Заинтересованно рассматриваю вещь. Аккуратно поднимаю крышку до конца и слышу, как щёлкает механизм. Внутри на бархатной подушке лежит серебряная цепочка с маленьким кулоном в виде синей птички.

Поднимаю голову и смотрю на брата.

– Видишь возле головки камешек? Я обтачивал его сам. Для тебя. Помнишь же своё детское прозвище?

Смущённо краснею и отвожу взгляд.

– Это превосходный подарок...

Бережно провожу пальцем по синему камню. Кулон невероятно красивый. И то, что Райн обтачивал его своими руками, делает его ещё прекраснее.

– Можно я надену его на тебя?

Медленно разворачиваюсь и убираю волосы с шеи. Холодное серебро касается кожи.

Райн улыбается, застёгивая замочек на цепочке.

– Я не буду снимать его. Обещаю!

– Тогда часть меня всегда будет с тобой.

Я киваю и принимаю его слова.

– Прошу тебя, юная леди, соблюдай приличия! Вы же не дети, – ругается мама. – Не ешь руками, Абигейл!

Я тянусь через стол, чтобы достать новую порцию вкусностей с джемом. Графиня награждает меня взглядом, излучающим молнии, и строго приказывает сесть на место.

– Итак, Райн, расскажи нам, как обстоят дела на ваших землях, – деловым тоном интересуется мама.

Все сидящие за столом синхронно посмотрели на брата. Он от такого внимания даже слегка подавился. Услужливый слуга постучал ему по спине, от чего брат ещё больше покраснелся.

– В вашей семье и удавиться недолго, – хриплым голосом произносит он.

Я громко смеюсь, от чего в меня прилетает салфетка откуда-то с маминой стороны.

– На наших землях всё спокойно. Отец день и ночь занят этим. – Брат подносит бокал к губам и подмигивает мне.

Его голубые глаза излучают веселье. Краем глаза я поглядываю на вино в своём бокале. Раньше мне никогда не подавали горячительных напитков. Попробовать не осмеливаюсь.

Тётушка Яви спускается по лестнице. На ней надето тёплое платье цвета спелой вишни. Белые волосы аккуратно уложены в тугую ракушку. Я читаю усталость на её лице. Видимо, дорога далась ей нелегко. Она присаживается на своё место и кладёт свою тёплую руку на моё плечо. Улыбаюсь и касаюсь её кожи пальцами.

– Смотрю, вы в хорошем настроении, – поддержал беседу отец.

– Как всегда, – хором отвечают все. Я смеюсь и обвожу взглядом присутствующих.

Замечаю, что у отца на лице появились морщинки, кожа стала тусклой. С каждым днём он выглядит всё хуже и хуже. Я настаивала на том, чтобы сюда немедленно доставили семейного лекаря, но папа отказывался. Внутренние силы медленно покидают графа.

Мама комкает салфетку пальцами. Она нервничает и по-

глядывает в сторону мужа. Её явно что-то беспокоит. Я опускаю взгляд на свои ладони.

– Сегодня тебя научат работать с шерстью, Абигейл, – серьёзно сообщает мне мама. – И даже не думай отказаться.

Брови отца взлетают вверх. Он явно ничего не знал об этой затее.

– Где это видано, чтобы леди помогала слугам?

– Твоя дочь должна уметь делать простые вещи своими руками. В жизни всё может пригодиться, – нервничает мама.

– «Твоя дочь»? – удивлённо переспрашивает отец.

Я была совсем не против работы. Во всяком случае, это лучше, чем сидеть в своей комнате или вышивать. Последнее я изрядно не люблю. Можно даже сказать, что меня передёргивает от одного только вида шёлковых нитей. Молодых девиц в обязательном порядке обучают этому искусству. Техника вышивки передаётся от матери к дочери, и так на протяжении многих столетий. Бедным полагаются достаточно простые узоры и стёжки, а вот носительницам титула – более сложные. Когда дама достигает высокого мастерства, это вызывает всеобщее уважение, поскольку считается доказательством её трудолюбия.

– Наша, – исправляется мама. – Сути это не меняет.

– Так значит, она должна прислуживать? – не унимается отец.

– Не переживай, папа, я с радостью сделаю это. – Ставлю точку в их споре.

Отец смотрит на свою жену, выражая своим взглядом недовольство. Она смущённо отводит взгляд. Я вздрагиваю от внезапного холода. Смотрю на своих сестёр и улыбаюсь. Девочки помогают друг другу кушать. Такие маленькие, но уже настоящие подруги.

– Ты не должна этого делать, Абигейл, – пожимает плечами отец.

Перевожу взгляд на тётушку и дядюшку. Встречаю их смущение. Чувствую себя смертельно больным родственником, которому все вокруг боятся сообщить горькую истину. Мама вытирает руки и встаёт первая.

– Если ты готова, то можем идти, – безэмоционально проговаривает она.

– Готова, – отвечаю и поднимаюсь.

Следуя за графиней, шагаю во внутренний двор замка, где под ногами хрустит свежавыпавший снег. Вижу длинный стол, за которым собрались некоторые работницы замка. Подхожу ближе. На столе лежат влажные, свёрнутые в жгуты срезы ткани. Женщины их мнут своими огрубевшими руками. В воздухе неприятный кислый запах. Я морщусь и прикрываю нос рукой.

– Леди Грейт! – приветствует графиню одна из женщин. Все встают из-за стола и склоняют головы в повиновении.

– Верина, обучи мою дочь работе с шерстью, – даёт свой приказ графиня.

Интенсивный кислый запах пропитывает меня насквозь.

Я чувствую головокружение.

– Конечно! – Ещё один поклон работницы в знак уважения.

Графиня покидает нас. Я слежу за тем, как женщины медленно садятся за стол и берут ткань в руки.

– Удобно ли вам будет работать вместе с Миа? – смущается Верина.

Я просто киваю и иду к лавочке возле стола. Внутри всё сжимается от отвращения. Запах смутно мне знаком. Так пахнет естественная жидкость после опорожнения человека. Отворачиваюсь.

Вижу приближающуюся фигурку своей служанки. Её рыжие кудрявые волосы покачиваются при каждом новом шаге. На лице самодовольная ухмылка. Девушка ставит на стол жестяное ведро и садится рядом со мной.

– Мы окрашиваем ткань, – поясняет для меня Верина. – Обычно мы делаем это с ослиной мочой.

– Мочой? – глупо переспрашиваю.

– Верно, – отвечает за неё Миа.

Чувствую приступ тошноты, но вовремя сдерживаюсь. Дерево столешницы почернело от старости. Я касаюсь его руками, и усилием воли держу эмоции на лице под контролем.

– Леди Грефт, – волнуется Миа. – Вы в порядке?

Киваю.

– Нужно пропитать ткань и добавить в неё протёртый корень вереска, – поясняет мне служанка.

Запах не даёт набрать полные лёгкие воздуха. Голова кружится. В животе начинает покалывать болью. Я беру первый кусок ткани и опускаю его в жестяное ведро с жёлтой жидкостью. Затем добавляю растёртые цветные корни: зелёные, коричневые, чёрные.

Все смотрят на меня одобрительно и с уважением. Видимо, моё решение остаться поразило их не меньше меня. Делаю, как сказала Миа: вбиваю краску с мочой в ткань. Мну и кручу в руках шерсть. Верина садится и продолжает свою работу.

– У вас хорошо получается, – хвалит меня она.

– Стараюсь, – признаюсь я.

Мои руки нельзя назвать нежными. Ежедневно я занимаюсь с мечом. На моих ладонях много мозолей, и кожа огрубела. Но мышцы быстро устают от тяжёлой ткани. Я чувствую боль в замёрзших синих пальцах. Смотрю за тем, как работает Миа: её руки ловкие и быстрые. Краска быстро распределяется по ткани.

– Вот здесь ещё немного, – указывает моя служанка с улыбкой.

Действительно, мой отрезок ткани весь в пятнах краски.

– Шерсть даёт нашему телу тепло, но запомните, если её не окрашивать, она будет служить меньше, – поясняет для меня Миа.

Слушаю. Просто чтобы отвлечься от запаха.

– Смотрите, леди, я вчера закончила свою новую жилет-

ку. – Миа указывает на надетое поверх платья тёплое жёлтое изделие из шерсти. – Этот цвет я получила благодаря корню холодной ягоды. Теперь моя жилетка прослужит мне дольше.

Миа встаёт, чтобы я лучше разглядела её работу. Я жестом возвращаю её на место. Ткань окрашивается постепенно: сначала цвет появляется пятнами, затем я разминаю шерсть, и цвет впитывается в каждую ворсинку. Руки устали и гудят. Пальцы одеревенели от холода и влаги. Запах уже не ощущается так интенсивно, но тошнота сопровождает меня до конца. Ощущаю раздражённость и нервозность.

– У вас получилось, леди. – Верина довольно рассматривает окрашенную шерсть в моих руках. – Теперь осталось просушить.

Я встаю и следую за одной из женщин. Встряхиваю свой отрез ткани из шерсти. Вешаю его на конструкцию из балок.

– Вы прекрасно потрудились, леди! – Миа светится от удовольствия.

– Цвет останется в ткани надолго? – спрашиваю у Верины.

– После высыхания мы повторяем процедуру для интенсивности окраски. Тогда цвет остаётся в шерсти надолго.

Я принимаю её ответ и киваю. Меня преследует желание снять с себя пропитание горьким запахом платье.

– Благодарю за урок, Верина.

Женщина склоняет голову, а я разворачиваюсь в сторону замка. Работа завершена. Прохожу мимо хозяйских построек. Держу руки подальше от тела. Графиня встречает меня

в большом зале у лестницы. Вытягивает гордо шею и смотрит на меня изучающе.

– Абигейл, работа окончена?

Подхожу ближе и даю возможность маме почувствовать на себе все прелести окрашивания шерсти. Носик мамы сморщился. Она закрывает его пальцами и машет рукой.

– Запах! – возмущается она. – Нужно тебе скорее помыться.

– Урок был занимательным, но жестоким, мама, – грустно признаюсь я.

– Знаю, дорогая, – соглашается графиня. – Жизнь жестока, но справедлива. Умение помочь себе в любых обстоятельствах важно для каждого человека.

– Вы уже обучили меня накладывать швы на раны и лечить нагноение. Я разбираюсь в разных видах лечебных трав. Могу разжечь костёр, приготовить еду. Добыть воду из земли и из некоторых растений. Очистить. И это лишь малая часть, мама. Вы готовите меня к войне? – без улыбки шучу я.

– Я просто хочу, чтобы ты была приспособлена к жизни.

– Правда? – мои губы растягиваются в кривой ухмылке. Я не верю в слова родительницы.

– Аби, – тяжело выдыхает графиня, – сейчас ты не понимаешь моих действий, но придёт время, ты всё поймёшь. Просто будь послушной.

– Я только и делаю, что слушаюсь вас! – не сдерживаюсь и кричу.

Мама отводит взгляд. Я успеваю увидеть в её зрачках тень сожаления и горя.

– Прощу тебя, дочка. Верь мне, – её голос дрожит на последней фразе.

– Верю. Я всегда верю вам, мама. Но не поступайте так больше со мной.

Я отступаю назад и взбегаю вверх по лестнице. Пока бегу по коридорам, замечаю чью-то тень, сопровождающую меня до самой спальни. В своей комнате стягиваю грязное платье. Миа появляется через секунду и помогает мне помыться. Мы моем мне волосы, натираем ароматным мылом кожу. Я долго и горько плачу. Слёзы бегут по моим щекам и не собираются останавливаться. В глубине души я понимаю, что действия матери выглядят странно для графини, но боюсь признаться в этом даже самой себе. Я не хочу знать причины. Страх заставляет мышцы тела дрожать. Я надеваю ночную сорочку на голое влажное тело. Ткань неприятно липнет к коже. Забираюсь в постель с ароматными шёлковыми простынями. И засыпаю тревожным сном.

Утро. Встаю с кровати. Отец ждёт меня в саду. Сегодня урок фехтования – ещё одно не свойственное для леди занятие.

Смотрю на себя в зеркало: платье из грубой зелёной ткани; на поясе висит тяжёлый меч. Его для меня выковал луч-

ший кузнец Олтгейма. Балансировка идеальная, а рукоять отлита точно по слепкам моей ладони. Эфес украшен маленькими зелёными камешками. Я долго думала над названием и не придумала ничего. Мне хотелось чего-то простого. Отец назвал его – Тень.

Спускаясь по ступеням, замечаю скучающего Райна, расположившегося в кресле напротив пылающего камина. Его фигура выглядит усталой и безразличной.

Прохожу мимо молча.

Как я и ожидала, отец ждёт меня в зимнем саду. Он воткнул свой меч в землю. Замечаю, что ему тяжело стоять.

– Перенесём занятие, папа? – Замираю в двух шагах от него.

– Всё в порядке, – отвечает граф и выпрямляет спину. – Разогрей мышцы.

Отхожу в сторону. Сегодня пасмурно. С утра небо затянуто тяжёлыми снежными тучами. Выполняю серию движений и интенсивно бегаю по саду. Как только на лбу появляется лёгкая испарина, подхожу к отцу. Он отходит на два шага от меня и встаёт в стойку.

Моя рука трясётся под весом меча. Ощущаю лёгкую слабость. Моё сердце ускоряет свой ритм. Я ощущаю его биение в шее. Отец замахивается и ударяет наискось мечом. Я ловко уклоняюсь и делаю шаг назад. Теперь я наношу удар. Блестящее лезвие проносится в миллиметре от лица графа. Он парирует удар, и наши мечи скрещиваются. Сталь звяка-

ет. Рукой я ощущаю силу его удара, которая волной проходит по моему телу.

– Твой клинок – продолжение твоей руки. Не думай о нём, Абигейл. – Отец наносит мне серию быстрых ударов, которые я с трудом отражаю.

На ватных ногах я держу оппонента на расстоянии шага. Отец выглядит уставшим. Он тяжело дышит. Его лоб покрыт маленькими капельками пота. Я ощущаю, как сжимается мой желудок при мысли о том, что отцу теперь тяжело даются бои на мечах. Ещё месяц назад он легко тренировал меня, пока я не падала обессилено на снег. Граф делает выпад, и я отпрыгиваю, продолжая удерживать его на расстоянии своего клинка.

– Нападай! – приказывает отец.

Я делаю шаг и наношу нисходящий удар. Отец закрывается мечом и, тяжело дыша, валится на мягкий снег.

– Папа! – Бегу к нему и падаю рядом на колени.

– Всё хорошо. Просто сегодня неважно себя чувствую. – Его лицо покрывает липкий пот, а губы приобретают фиолетовый оттенок.

Я стою на коленях рядом с его телом. Он пытается выровнять дыхание и держит на лице маску уверенности. Но я вижу в глубине его глаз страх и отчаяние.

– Что происходит?

Он не отвечает мне. Облизывает пересохшие губы и пытается подняться, но заваливается на спину.

– Папа, вы больны, – удерживаю его голову. – Почему вы продолжаете упираться? Вам необходим осмотр лекаря.

Он качает головой и хватает меня за руку.

– Мне никто не нужен, дочка. Я стар.

– Вы не настолько стары, отец! – упрямо вскидываю голову.

Граф хлопает меня по руке и с усилием встаёт. Я придерживаю его. Ощущаю, как трясутся его мышцы от перенапряжения. В саду появляется мой брат Райн и, заметив нас, бежит, чтобы оказать помощь.

– Что произошло? – в его голосе звучит волнение.

– Просто устал, Райн. Я просто устал, – лжёт отец.

Мы с братом встречаемся глазами. Никто из нас не верит графу.

– Замени меня, – просит племянника граф.

Райн смотрит мне в лицо, затем переводит взгляд на своего дядю. На его лице читается замешательство и неуверенность.

– Я не буду драться с ней, – качает он головой.

Граф грустно улыбается и передаёт племяннику свой меч. Тот берёт его с неохотой.

– Тренировка – это не битва. Тебе и Абигейл нужно чаще упражняться.

– Я могу ранить её!

– Не можешь, – ухмыляюсь я.

Брат смотрит на меня, как на ребёнка с палкой. Его взгляд

выражает смятение и недоверие. Знаю, о чём он думает: ему кажется, что я плохо обучена и разобьюсь, как стекло при первом же неверном движении. Внутри загорается желание доказать обратное. Делаю шаг в сторону и достаю Тень из ножен. Клинок блестит, отражая свет дня.

– Абигейл, я не уверен, – кривится брат.

– Начинай, – даю команду.

Какое-то время, довольно долго, мы стоим неподвижно друг напротив друга. Потом Райн неуверенно машет мечом, и я в ответ резко обвожу клинком по оси, задевая его плечо. Судя по звуку, получилось больно. Я недовольно моргаю. Райн встряхивает рукой и подаётся вперёд. Он делает резкий выпад. Пытаюсь отпрыгнуть, но меч задевает моё бедро. Я кривлюсь от лёгкой боли и, защищаясь,ставляю меч.

– Неплохо, сестрёнка, – хвалит меня Райн. – Признаюсь, не ожидал.

Теперь я действую более расчётливо и атакую оппонента с разных сторон. Снег взлетает вверх при движении моих ног и попадает в лицо брата.

– Основы боя ты постигла, – ухмыляется он, отражая все мои попытки коснуться его, – но тебе не хватает хитрости.

Райн обезоруживает меня безжалостно и быстро. Выбитый из моих рук меч глухо падает на снег.

– Вот и всё. – Брат возвращает графу его меч.

– Я безнадёжна...

Разочарование душит.

– Ты прекрасна, – не соглашается брат.

Плечи опускаются. Я смотрю, как Райн ухмыляется и, держа моего отца под руку, уходит прочь. Облегчённо выдыхаю и возвращаюсь в свою комнату.

За окном оранжевый диск близится к горизонту. Стены моей спальни окрашены в приятный тёплый цвет заката. Я сижу в кресле у окна. Мышцы неприятно ноют после утренней тренировки. Внутри скребётся отчаяние и разрушенная надежда. Никогда мне не стать настоящим мечником. Для всех всегда я буду просто девчонкой с палкой. Никто не будет воспринимать меня в серьёз.

Раздаётся стук в двери.

Дёргаюсь от страха и с недоумением отзываюсь:

– Да?

– Аби! – Райн говорит тихо.

Открываю дверь и вижу стоящего вплотную к ней брата.

– Тише. Если меня застукают, то графиня снимет с меня скальп, – шутит он.

Я закрываю рот руками.

– Птенчик, знаю ты не откажешься прокатиться ночью верхом. – Заметив, что у меня глаза поползли на лоб, брат продолжил: – в лесу в полночь намечается тайное бракосочетание.

Я с шумом выдыхаю воздух.

– Это же незаконно! Кто мог решиться на такое?

Смотрю на брата, который поглядывает с тревогой в пустой коридор.

Служитель обители Матери, который покрывает тайный брак, видимо, получил огромное вознаграждение. Иначе он бы не стал подвергать свою жизнь опасности. Верховный судья снесёт его голову с плеч, если о бракосочетании станет известно большому кругу лиц.

– Не важно «кто», – серьёзно отвечает брат. – Важно «когда» и «где».

– Мы просто возьмём и прибудем на чужую тайную свадьбу? – Я сложила руки на груди в защитном жесте.

– Меня пригласили и я не отказался, – разводит руками он и садится в кресло у окна.

Храм Матери был построен много-много лет назад. Не знаю, когда точно появилась эта религия, но все почитатели богини именуют себя – Возрождёнными. Служители храма ведут закрытый образ жизни. Спрятанные в вырытых под землёй пещерах и заснеженных горах, – они день и ночь воспевают Мать Прародительницу. Если родители не благословляют брак, то и обеты в храме Матери считаются незаконными. Незаконными они также будут, если один или оба влюблённых связаны с магией. В таком случае всех ожидает казнь.

Райн обходит меня и заходит в мою спальню. Рассматри-

ваю его высокую мужскую фигуру в моём «женском» пространстве. Он замечает книгу на столике, склоняется над ней и читает название:

– «Влюблённая Амадина», – не без отвращения произносит он. – С каких пор ты читаешь романы?

Я краснею до корней волос. Эту книгу принесла Миа и оставила так, чтобы я непременно обратила на неё внимание. Это очередные попытки моей матушки выработать у меня адекватную реакцию на влюблённость и романтику.

Только я открыла рот, чтобы объяснить, как вдруг услышала стук в дверь. Райн вздрагивает. Осматриваю комнату в поисках места, где можно незаметно спрятать большого мужчину.

– Сюда. – Глазами указываю на шкаф.

– Ну уж нет! – Райн машет руками в знак протеста и залезает под кровать.

Я нагибаюсь, чтобы убедиться в том, что его не видно, и пониже опускаю покрывало.

– Милая, ты уже спишь? – ангельским голосом интересуется мама.

Я ещё больше начинаю волноваться. Подбегаю к зеркалу, дабы убедиться в том, что выгляжу не испуганно, и открываю матери дверь.

– Ты спала, дорогая? – Графиня проходит в комнату и осматривается. – Здесь давно не делали уборку? – Её взгляд задерживается на смятой постели.

Я поспешно на неё сажусь.

– Ну что вы! Я просто читала и помяла тут всё, – невинно улыбаюсь и складываю руки на коленях.

Мама махнула рукой и села в кресло. Она выглядит уставшей и взволнованной. Её тонкая фигурка облачена в чёрное шерстяное платье с высоким воротом, обшитым золотыми нитями. Волосы уложены в красивую гладкую причёску. Ни одна прядь не выбивается на лицо. Мама набирает полную грудь воздуха и начинает разговор:

– Дорогая, я долго не могла выбрать время, чтобы поговорить с тобой, – её голос срывается.

Матушка нервно перебирает пальцами шёлковый платок.

Я неловко отвожу взгляд и спрашиваю:

– О чём вы хотите поговорить, мама?

– Пообещай мне, что не будешь сильно ругаться.

Возвращаю взгляд к лицу матери. Она напугана и смущена. Я несколько раз неуверенно моргаю и затем киваю.

– Ты уже вошла в брачный возраст, – шепчет графиня, – и твой отец занялся подбором выгодной партии для тебя.

Теряю дар речи. Я ожидала услышать когда-то эту фразу, но надеялась, что не услышу её ещё несколько лет. В Ильштрассе леди не обязаны выходить замуж, если они того не желают. Если же девушки вступают в союз с мужчинами, то теряют любые права. Муж может сделать всё со своей женой. Всё, что угодно! Да, у животных больше прав, чем у замужних женщин. Потому у нас очень ответственно подходят

к данному вопросу и за первого встречного своих дочерей не выдают. Провожу заледеневшими пальцами по лбу. Ощущаю дрожь во всём теле.

– Это не значит, что ты должна давать своё согласие прямо сейчас! – вскакивает мама. – Вы встретитесь. И тогда ты решишь...

– Когда?

Мама замаялась. Её тонкая фигурка замирает в шаге от меня. Мой взгляд твёрдый, и я не отвожу его, заставляя графиню обессиленно сесть в кресло.

– Претендент на твоё сердце уже на пути в Олтгейм.

– На «моё сердце»? – горько смеюсь я и встаю. – О каком сердце идёт речь, мама?

– Аби, не будь так сурова...

– Сурова? – перебиваю её я. – Вы много лет делали всё, чтобы я стала суровой. Дрессировали меня, как животное. А теперь говорите мне о таких вещах, как замужество?

– Абигейл! – злится мама. – Что ты такое говоришь?

– Ничего, мама, – уступаю и заканчиваю спор. – Жду приглашения на собственную свадьбу.

Лёгкий поклон.

Мама смотрит на меня долгое время, затем уходит. Я молча провожу её взглядом. Дверь аккуратно щёлкает, закрываясь за ней. Внутри назревает буря. Сердце учащает свой ход. Чувствую себя ужасно. Во мне словно художник набрызгал красок на холст, а затем яростно их перемешал. Разобрать-

ся в себе трудно. Замужество означает отъезд, что для меня равносильно смерти.

Райн вылезает из-под кровати. Страхивает с себя пыль и смотрит на меня с нескрываемым удивлением.

– Ты расстроилась? – Он подходит ближе.

Я качаю головой. Как ни странно, но чувств нет. В комнате стало холодно. Я поспешно обнимаю себя руками.

– Птенчик? – Райн наклоняется, чтобы посмотреть мне в глаза. – Ты в порядке?

Я улыбаюсь, услышав своё глупое детское прозвище.

– Поехали на ту свадьбу! – Резко произношу, прежде чем успеваю подумать. – Поехали на тайное бракосочетание, Райн.

Он смотрит на меня изучающе с минуту и, видимо, придя к определённом умозаключению, выпрямляется и подходит к двери.

– Если нас поймают – легко мы не отделаемся. Ты понимаешь? – спрашивает он.

Я киваю.

Мне страшно. Органы внутри сжимаются в клубок. Слуги Матери Прародительницы безжалостно убивают грешников и устраивают прилюдные казни. Тайные браки запрещены законом. Не хочу думать о том, что нас могут поймать.

– После заката, когда все разойдутся, выжди час. Я буду ждать тебя под лестницей.

Он открывает дверь, не дожидаясь ответа. Убедившись

в отсутствии посторонних, уходит прочь.

Закат наступил. За окном сумерки. Внутри всё сжимается в предвкушении. Я надеваю простое тёплое синее платье, накидываю на плечи меховой плащ, натягиваю капюшон ниже, скрывая лицо. На пояс вешаю Тень.

Медленно перебирая ногами, иду по коридору к лестнице, ведущей вниз. Стоит ли говорить, что в этот момент моё сердце бьётся, словно пойманная птичка в клетке?

Коридор плохо освещён. Слуги оставили лишь пару свечей, остальные потушены. Замечаю стоящего внизу брата. Он одет в чёрную длинную тунику, на поясе висит меч с несколькими маленькими кинжалами. На плечи накинут чёрный плащ с внутренним мехом. Райн замечает меня и подходит ближе.

– Готова?

Киваю.

– Пообещай мне кое-что, – произносит он. – Если все пойдёт не по-плану, – ты не будешь сражаться, – а покинешь меня и вернёшься в замок. Сделаешь всё, чтобы сберечь свою жизнь!

– Да, брат. Если что-то пойдёт не так – я трусливо убегу и спрячусь в своей комнатке. Можешь на меня положиться, – язвлю я.

Он улыбается и берёт меня за плечо. Мы пробираемся

в кухню. Здесь намного теплее. Подумать только, всё ещё пахнет жареной олениной. В углу лежат поленья для растопки печи. Рядом с ними нашли место большие брёвна для камина. Корзины с овощами стоят возле маленького столика. Чаны и котлы вымыты, затем перевернуты, чтобы с них стекала вода. По идеально вымытому полу я направляюсь к узкой двери, ведущей во двор.

Открываю дверь. Чувствую, как мне в лицо устремляется холодный поток воздуха. Выхожу под свет луны и замираю. Жду, пока глаза привыкнут к темноте. Райн берёт меня под руку и молча ведёт к северным воротам замка.

– У тебя есть план? – спрашиваю, стараясь не упасть в темноте.

Брат многозначительно улыбается и смотрит на ворота. Часовой, как и прежде, ходит вдоль стены, неся свою службу. Мы приседаем к земле. Я неуверенно поднимаю взгляд на стража. Вдруг он останавливается и оборачивается к нам. Я была готова бежать куда глаза глядят, лишь бы он меня не заметил. Но продолжаю сидеть возле брата. Натягиваю капюшон ещё ниже.

– Вы уже здесь? – тихо спрашивает часовой.

Кидаю взгляд на брата. Он держался уверенно и совершенно спокойно.

– Как обстоят дела за стеной? – Райн даёт мне знак подняться.

– Тихо, лорд Грефт. – Стражник держит руку на рукоятке

меча.

Брат медленно идёт к воротам. Я следую за ним.

– Что, мы просто выйдем? – шепчу, когда мы останавливаемся.

Брат, не говоря ни слова, открывает створку двери и пропускает меня вперёд. Выйдя за ворота замка, я испытываю странное чувство. Всё выглядит по-другому: ночное небо, снег, деревья, дорога. Замок сейчас кажется таким тихим и уязвимым.

Где-то там, скрываясь в темноте ночи, двое влюблённых собираются дать друг другу вечные обеты. Их не пугает разлука с близкими, позор, который они навлекают на свои семьи. Им безразличны слёзы матери и гнев отца, репутация братьев и сестёр. Любовь затмила их разум. Они готовы сжечь все мосты ради мнимого счастья. Ни они, ни их дети не будут приняты обществом. Как сильно нужно любить, чтобы решиться на такое? У меня нет ответа, ведь я не любила и не знаю, почему люди совершают подобные поступки. Возможно, когда сама полюблю, пойму.

Моргаю, чтобы развеять мысли в своей голове.

Возле стены мирно стоят запряжённые кони.

– Справишься с мужским седлом? – с ухмылкой спрашивает брат, запрыгивая на своего коня.

Мне достётся кобылка. Видимо, Райн подумал, что на таком сильном и быстром животном, как у него, я просто убьюсь.

– Уверена. – Ставлю одну ногу в стремя, а другую перекидываю через седло.

– Тогда следуй за мной, – весело отзывается Райн. И, прищипорив коня, исчезает в темноте.

Следую его примеру: легко хлопаю по бокам свою кобылку. Та медленно шагает вперёд. Нет, ну так дело не пойдёт! Давай же, дорогая, нам нужно торопиться. Ещё раз хлопаю её, но та даже ухом не ведёт.

– Не слушается? – Брат успел заметить мою неудачу и вернуться.

Поравнявшись со мной, он легонько хлопает лошадь. Та дёргается с места с такой силой, что я чуть ли не вылетаю из седла. Группируюсь и крепче обхватываю бока кобылы ногами. Снег больно бьёт в лицо.

– Не отставай, – кричит Райн и ведёт нас в сторону леса.

Чувство восторга сменяется страхом. Холод пронизывает до дрожи. Приближаясь к лесу, я всё больше теряю возможность видеть. Деревья не дают лунному свету пробиться. Причудливые, страшные изображения рисует моё воображение. Деревья нависают над головой так, что, кажется, сейчас упадут.

Тихо.

Я бы даже сказала, слишком тихо. Природа молчит.

Кони идут. Снег хрустит под их копытами. Спустя какое-то время я слышу голоса людей и вижу выход из леса на широкую поляну.

Райн спешивается, затем помогает это сделать мне. Я осматриваюсь: поляна небольшая. Женщины одеты достаточно просто, но волосы уложить в сложные причёски постарались. Горят факелы и костры. Возле огня люди что-то весело обсуждают. Они не придерживаются приличий и держатся близко. Я смущаюсь, когда замечаю, как один из мужчин вжимает тело хрупкой девушки в своё.

– Мы не опоздали, – говорит Райн.

Я проследила за взглядом брата и увидела молодую девушку с пышными светлыми волосами. Рядом с ней стоит счастливый мужчина. Она кладёт руку ему на плечо и что-то говорит с широкой улыбкой. Безупречное тёплое голубое платье струится по её женственной фигуре. Мягкие изгибы тела им выгодно подчёркнуты. Не для моих костей такая красота. Мама бы расстроилась. На плечах девушки лежат тяжёлые лисьи меха. Она кладёт голову на грудь мужчины и прикрывает глаза. Удивительно, я не могу оторвать глаз от этой пары влюблённых.

– Пойдём. – Брат утягивает меня в гущу толпы.

Люди расступаются и почтённо склоняют головы, замечая нас. Быть незамеченными просто невозможно. Все они знают, кто мы такие. Подойдя к большому костру, брат останавливается.

– Приветствую вас, пусть союз будет счастливым! – Райн пожимает руку светловолосому мужчине.

– Безумно рад, что вы смогли прийти, лорд, – смущается

он и смотрит на меня, когда произносит: – Меня зовут Джозеф. А это моя возлюбленная Катрина.

– Приятно познакомиться, – киваю молодым людям. – Пусть будет во благо.

Катрина улыбается нам и сияет.

– Я познакомился с Джозефом, когда ехал в Олтгейм. Он помог мне подковать лошадь, – объясняет брат.

Мужчина выглядит добродушным. Но с чего ему приглашать Райна на тайную свадьбу?

– Интересное знакомство, – сухо замечаю я, не сводя глаз с Джозефа.

Он бледнеет.

– Моя сестра бывает суровой, но она не сдаст вас. Верно, Птенчик? – неуверенно улыбается Райн.

– Верно. – Злюсь не на то, что он усомнился во мне, а на то, что назвал меня детским прозвищем при посторонних.

– Мы рады вам, леди! – улыбается Катрина и склоняет голову.

Не знаю, что поразило меня больше: её белейшие зубы или ярко-голубые глаза. В этой девушке, казалось, всё было идеально.

– Это взаимно, – говорю я.

Силой заставляю себя улыбнуться в ответ. Катрина сияет не только внешне. Она не такая, как я. Свет, казалось, исходит из глубины её души. Ей бы точно не пришлось выслуши-

вать в сотый раз от матери упрёки по поводу своей худобы.

Я опускаю взгляд и поджимаю губы.

– Я хочу поблагодарить тебя, Джозеф, за своевременную помощь, – будничным тоном говорит брат. – Если бы не твоя магия, – усмехается Райн, – мой конь остался бы без одной ноги.

Я вздрагиваю всем телом. Услышанное настолько сильно шокирует меня, что я не могу удержаться и взволнованно поднимаю взгляд от земли. Джозеф замечает перемену в моём лице.

– Джозеф – целитель, – поясняет для меня Райн. – Я чуть не потерял коня. Благодаря ему я добрался сам, и мой Великан цел и невредим. Из-за ошибки кузница ему чуть не оторвало ногу на каменной дороге.

– Вы не должны смущаться, – произношу с усилием. – Я не придерживаюсь взглядов Возрождённых и не считаю, что всех, кто связан с магией, нужно казнить.

Джозеф кивает и нежно смотрит на белокурую красавицу, притягивая её ближе к себе. Я бесстыдно смотрю, не в силах отвести взгляд. Так много нежности между ними.

Воздух заряжен любовью.

– Мы оставим вас, – улыбается брат и отводит меня в сторону.

Я останавливаюсь возле горящего факела на достаточном отдалении от толпы. Брат нависает надо мной и недовольно складывает руки на груди.

– Что? – спрашиваю я.

– Твой взгляд, Аби, – качает он головой. – Ты бы видела себя со стороны. Я и сам испугался.

– Ты должен был предупредить меня, – возмущаюсь на его замечание.

Он замирает. Его серьёзный взгляд сосредоточен на моём лице.

– Я знаю тебя. Мы похожи, – улыбается он. – Если маг, желающий жениться, не смущает меня, то и тебя не смутит.

– Это было неожиданно, – опускаю я голову. – Я никогда не видела прежде магов.

Брат опускает руки и притягивает меня к себе. Холодно. Руки замёрзли. Обнимаю его, пытаюсь согреться. Замечаю, как из толпы выходит седой слуга Матери Прародительницы. Он одет в белую длинную рубаху с вышивкой, на его плечах уложена тяжёлая ткань с золотой ниткой. Он открывает толстую книгу и встаёт так, чтобы всем было хорошо его видно. Толпа разворачивается, чтобы видеть происходящее.

Влюблённые опускаются на колена.

– Пред лицом Создательницы Земли, создавшей всё и всему дающей начало, – гордо начинает Возрождённый. – Мы собрались здесь, чтобы засвидетельствовать вступление в добровольный союз этого мужчины и этой женщины.

Я выпрямляюсь и слежу за происходящим. Мой взгляд падает на двух девушек, стоящих совсем рядом с парой влюблённых. Они смотрят с теплотой на Катрину и вытирают об-

разующиеся слёзы на своих лицах.

Незаметно для всех улыбаюсь.

– Согласен ли ты, Джозеф, сын Алона, взять в жёны Катрину из рода Маклейка и стать для неё опорой, как земля, надеждой, как вода, и спасением, как воздух? – Слуга поднимает взгляд на Джозефа.

– Да! – гордо отвечает жених.

– Согласна ли ты, Катрина, дочь Маклейка, стать женой Джозефа из рода Алона и быть ему опорой, как земля, надеждой, как вода, и спасением, как воздух?

– Да. – Тихий голос красавицы прозвучал так уверенно, что ни у кого не осталось сомнений в её искренности.

– Пусть те, кто против этого союза, говорят сейчас или же молчат вечно, – строго произносит Возрождённый.

Я затаила дыхание.

Может, сейчас кто-то выскажет свой протест или скажет, что всё это неправильно и грешно? Затем разгонит нас всех или убьёт...

Поляну накрывает тишина.

Служитель оглядывается и продолжает:

– Властью, данной мне Матерью, я объявляю вас мужем и женой. Можете скрепить свой союз поцелуем любви.

Джозеф нежно касается губ своей любимой супруги. Народ радостно хлопает в ладоши. Я не знаю, что именно я чувствую в этот момент. Возможно, это облегчение.

Народ закружился в танце. Двое мужчин заиграли на лют-

нях. Мужчины свободно касаются женщин, а те ведут себя распутно, заставляя мои щёки краснеть. Брат засмеялся и включился в массовые гуляния.

Перевожу взгляд на виновников торжества: Катрина весело смеётся, её светлые волосы разлетаются во все стороны, несколько прядей упали ей на лицо. Джозеф подхватывает супругу на руки и кружит, отчего её смех становится ещё громче.

Отвожу взгляд. Вздрагиваю от ледяного ветра и обнимаю плечи руками. Волосы выбились из тугого пучка. Сжимаю губами пару шпилек и пытаюсь спрятать непослушные пряди.

Не танцуют всего несколько человек: я, Слуга Матери и пожилой мужчина с женой. Интересно, почему он поженил мага и его возлюбленную, а не сдал Судье? Разве не все Возрождённые против магов и магии?

Заканчиваю с волосами. Осматриваю счастливую толпу и поворачиваюсь к Слуге, который мирно стоит, сложив руки в замок. Уверенным шагом направляюсь к Возрождённому.

Успеваю совершить всего несколько шагов. Стрела со свистом пролетает возле меня и вонзает острие в спину Катрины. Девушка бесшумно падает на землю. Застываю и смотрю на белокурую красавицу, лежавшую в луже собственной крови. Постепенно до моего сознания доходит крик толпы. Двигаю глазами и замечаю, как Слуга достаёт меч из-под золотой накидки и вонзает его в живот несчастного мужчины, стоя-

щего рядом. Запах крови долетает до моих ноздрей и приводит меня в чувства. Сильный крик, похожий на рёв, заставляет мои волосы на руках зашевелиться.

Это был Джозеф!

Он прижимает бездыханную жену к себе: касается её головы, гладит волосы, трогает руки...

– Цела? – Райн встаёт рядом, держа обнажённый меч перед собой. – Стрела не задела?

Я отрицательно качаю головой и достаю Тень из ножен. Начинается самая настоящая бойня.

– Нужно убираться отсюда, – твёрдо решает брат.

Мы отступаем, прикрывая спины друг друга. На поляне появляются вооружённые люди в серых плащах – наёмные убийцы! Они кромсают тела невинных гостей. Земля напитывается кровью. Джозеф не двигается. Не пытается спасти свою жизнь. Из его ладоней струится синий свет, а по лицу стекают горячие слёзы.

– Мы должны прикрыть его, – обращаюсь к брату. – Он пытается исцелить Катрину.

Райн смотрит на меня мучительно долго, но всё-таки кивает. Я перехватываю поудобнее меч и направляюсь в толпу. Серые плащи быют, режут, разрубают. Как только один из них появляется на моём пути, я замираю в оборонительной стойке.

Сталь клинка блестит в свете луны, когда убийца размахивает им, чтобы отсечь мне голову. Я отражаю удар и бью

в неприкрытый живот. Острые входит в плоть мягко и без усилий. Липкое отвращение струится по моим венам. Встаю меч и отхожу, давая возможность телу упасть на снег. Внутри всё холодеет.

Райн прикрывает Джозефа, пока тот пытается вернуть к жизни возлюбленную. Я встаю рядом с ними.

– Убила? – тихий шёпот брата.

– Да.

Понимаю, что не могут поднять на него взгляд. Руки захватывает мелкая дрожь. Пальцы деревенеют. Смотрю на тело молодой девушки. Катрина лежит на руках своего мужа, истекая кровью. В её теле уже нет жизни.

– Джозеф, – я кладу руку на его плечо.

Мужчина весь дрожит. Магия струится из его пальцев. Он из последних сил пытается вернуть к жизни свою возлюбленную. Пот капает с его лица, смешиваясь с кровью. Он не может принять случившееся. Он не готов смириться. Уверен, он будет бороться со смертью даже ценной собственной жизни.

Хочу сказать Джозефу, что пришло время уходить. Но резкая, жгучая боль пронзает мою спину. Я с ужасом смотрю на свой живот. Платье быстро пропитывается алой кровью. Сгибаюсь в попытке прикрыться. Спину жжёт огнём. Оседаю на холодный снег.

– Аби! – Райн склоняется надо мной, прикрывая своим телом.

Я чувствую его рядом, слышу его голос. Перед глазами мигают языки пламени. Туманная пелена не даёт мне сосредоточить взгляд. Брат держит руку на моём плече, чтобы я чувствовала, что он рядом.

– Это стрела, Птенчик! – в его голосе страх и переживание. – Сейчас мы её достанем, и всё будет хорошо.

Мне спокойно. Сознание по капле уходит. Всеми силами стараюсь не спать. Веки тяжелеют, тело расслабляется, звуки становятся тише. Жгучая боль утихает, уступая место покою. Внутренний голос подсказывает мне, что это совсем не сон. Я умираю.

– Чёрт, Абигейл, – произносит Райн у меня над головой. – Держись, милая.

Улыбаюсь окровавленными губами, когда произношу:

– Папа тебя убьёт.

– Если с тобой что-то случится – я ему даже помогу.

Усмехаюсь.

Нас окружают неизвестные. С их мечей стекает кровь. Силы покидают меня, я совсем не вижу и почти ничего не слышу. На грани сознания чувствую, как сильные руки поднимают моё тело.

– Добро пожаловать в мой мир, маленькая Абигейл, – произносит незнакомый голос.

По-прежнему не могу открыть глаза из-за сильной слабости. Голос принадлежит молодому мужчине. Он властный, хрипловатый, недовольный, пониженный и усталый. Пыта-

юсь представить себе его хозяина.

– Ты совсем скоро увидишь меня, – уверенно сообщает он мне.

– Кто ты? – Удивляет то, что я способна говорить.

Вокруг мёртвая тишина. Я не слышу ничего, даже своего дыхания.

– Я? – усмехается он. – Обидно узнать, что ты совсем не помнишь меня.

Пытаюсь сосредоточиться на звуке его голоса. Мы знакомы? Ничего не могу вспомнить. Я не уверена даже в том, что всё это не снится мне. Возможно, я уже умерла?

– Ты не умрёшь, Абигейл, – резко останавливает он мои размышления. – Не сегодня.

– Кто ты? – повторно задаю вопрос.

Ощущаю лёгкое движение воздуха. Мужчина опускается рядом со мной, и я слышу его заискивающий голос рядом.

– Я тот, кто прямо сейчас восстанавливает в твоём мёртвом теле жизнь, нежная моя. Ты очнёшься. И больше не будешь подвергать свою жизнь опасности. Запомнила? Иначе я буду очень сильно злиться. А мы ведь не хотим, чтобы я злился?

– Когда я очнусь, я буду помнить тебя?

Ощущаю кожей его улыбку.

– Скоро, маленькая Абигейл. Совсем скоро.

Меня затягивает в жуткий холод. Запах сырости ударяет в нос. Во рту ржавый привкус крови. Острая боль заставляет

раскрыть глаза. Но прежде чем я смогла подумать, начали действовать рефлексy. Я перехватила чью-то руку, которая нависла надо мной. Колено резко поднялось, чтобы ударить чётко в подбородок. И оно попало бы в цель, если бы не моя слабость.

Меня прижимают крепче к земле.

– Я предупреждал, – усмеxается брат.

Расслабляюсь. Вижу окровавленное древко стрелы. Его только что извлекли из моего тела. Даю незнакомцам завершить работу. Вижу измученное, уставшее лицо Джозефа. Он держит свои руки на моём животе. От них исходит свет и странное тепло.

– Швы разорвутся, если будешь так дёргаться. – Слышу чей-то бархатный голос.

Перевожу взгляд на незнакомца. Он сидит на коленях, склонившись надо мной. В темноте тяжело разобрать, но его волосы показались мне чёрными, черты лица резкими. Глаза тёмно-серые. В них отражается моё бледное лицо.

– Мне не хватит сил! – отчаянно говорит Джозеф.

– Достаточно будет остановить кровотечение и восстано-
вить её внутренности. Рана затянется сама, – отвечает незна-
комец.

Я невольно улыбаюсь на его слова. Ощущаю свои сухие губы и запёкшуюся на них кровь.

– Я рассмешил тебя? – отреагировал незнакомец на мою улыбку.

– Странное дело, но я чувствую себя полностью мёртвой, – хриплю я. – И что мы с вами знакомы.

Он медленно переводит свой взгляд на моё лицо.

– Джозеф, ты можешь остановиться, – произносит мужчина, но смотрит попрежнему на меня. – Остаётся только наложить швы.

Благодарно смотрю на несчастного целителя. Вспоминаю его жену и тихо произношу:

– Катри...

Джозеф качает головой и я замолкаю.

Он протягивает нить сквозь мою кожу. Крик вырывается из моей груди. Я вся дрожу. С каждым новым стежком я ощущаю, как медленно теряю возможность полноценно вдохнуть необходимый воздух. Живот горит огнём. Боль пульсирующая, резкая, мучительная. Когда Джозеф завершает, я лежу на холодном снегу в луже собственной крови и смотрю в тёмное звёздное небо.

– Верхом её везти опасно. Может открыться кровотечение. Придётся идти пешком и нести её по очереди. – Незнакомец встаёт.

– Я могу идти сама, – уверенно отвечаю и пытаюсь подняться с земли.

– Как пожелаешь, – незнакомец смотрит на меня осуждающе. – Джозеф наложил прекрасные швы. Жаль будет хоронить тебя с ними.

Я замираю. По лбу стекает капелька пота.

– Передумала, – ухмыляется он, пока смотрит на меня сверху вниз.

Его руки в крови. Он достаёт платок и яростно вытирает им пальцы. Жгучая боль никуда не ушла. Тошнота мешает полноценно дышать. Я обессилено ложусь на спину.

– Верное решение. – Он присаживается рядом со мной. – Этот маг потратил всю оставшуюся магию, чтобы спасти тебя. Так ты его отблаговаришь?

Я виновато смотрю на убитого горем Джозефа. Вся его одежда и руки в крови. Его трясёт и похоже, он на грани обморока.

Молчу.

– Я возьму её. – Брат подходит ко мне.

– Я и мои люди сопроводим вас. – Незнакомец не сводит с меня глаз.

Меня пробирает страх, когда я заглядываю в его чёрные расширенные зрачки. Серой радужки не видно. Он выглядит хищником, загнавшим жертву в угол.

Это он привиделся мне, пока я была без сознания?

Райн просовывает руки под моё тело и аккуратно поднимает, прижимая к себе. Я чувствую, чем пахнет его тело и одежда: боем, землёй, кровью и смертью. Терплю боль и не издаю ни звука. Он медленно начинает движение в сторону леса. Меня качает и от каждого движения в боку ноет.

– Прости, Птенчик, всё это моя вина! – в голосе брата звучит отчаяние.

– Я жива. Это главное. – Говорю тихо, потому что сил почти нет.

Он прижимается ко мне лбом, и я ощущаю губами его солёные слёзы. Мы медленно приближаемся к лесу. Я пытаюсь не смотреть вокруг. Пытаюсь не обращать внимания на неподвижные тела, разбросанные на снегу.

Позади нас идут неизвестные.

– Где Тень? – спрашиваю у брата.

– У меня, – грустно улыбается он.

Расслабляюсь и закрываю глаза. Каждая часть тела нестерпимо болит. Боль настолько невыносима, что я кусаю губы, чтобы не издать стон.

– Что будет с Джозефом? – задаю вопрос, чтобы отвлечься.

– Он опустошил себя, чтобы помочь тебе. Вскоре он умрёт.

Меня пробивает осознанием. Я слышала, что маги не могут жить без своей магической энергии.

– Зачем он это сделал?

– Он потерял жену, – голос брата полон боли. – Он так решил. Это его выбор – спасти тебя.

Я не чувствую облегчения. Джозеф не заслужил всего того, что произошло сегодня. Сожаление и грусть душат.

– Кто эти люди? – говорю тише, чтобы слышал только Райн.

– Они появились вовремя. Перебили наёмников. Я смог

прикрыть тебя.

Киваю, принимая ответ. Боль накрывает волной и в этот раз сдержаться не удаётся. Стон выскальзывает из моей груди.

– Выпей, – незнакомец суёт мне флягу. – Притупит боль.

Райн останавливается и аккуратно вливает мне содержимое фляги в рот. Неожиданно ощущаю привкус шалфея, мяты и чего-то ещё, а не алкоголя.

– Спасибо, – хриплю и обессилено прижимаю голову к плечу брата.

– Кровь! – испуганно произносит Райн.

Он слегка отстраняет меня от себя, и я вижу свежее кровавое пятно на его одежде.

– Плохо. – Незнакомец перехватывает моё тело и кладёт на снег.

Его уверенные ладони раздвигают разрезанные куски моей окровавленной одежды. Он сосредоточен и серьёзен.

– Открылось кровотечение, – без тени сомнения говорит он. – Нести дальше её нельзя. Она должна пребывать в таком положении.

– Она же замёрзнет и умрёт! – срывается брат. – Мать Земля! Зачем же я взял её с собой?

Брат нервно поправляет волосы.

– Я в порядке, – говорю и чувствую, как лёгкие наполняются кровью. – Мне просто нужен отдых.

– Смелая девочка. – Незнакомец не сводит тяжёлого

взгляда с меня.

– От вас пахнет шалфеем. – Произношу какую-то чушь, чтобы отвлечь всех от своего состояния.

– Это настойка.

– Что она даёт?

Незнакомец молчит. Его тёплая рука касается моего лба. Горячая. Неужели я так сильно замёрзла? Тело пробивает дрожью. Я умираю. Теперь уж точно.

– Ты выживешь, – серьёзно отвечает незнакомец.

– Вы так же говорили во сне...

Его глаза совсем близко от моих. Я чувствую его горячее дыхание своей холодной кожей. Это всё уже происходило. Улыбаюсь окровавленными губами и решаю сказать ему:

– Ты лгун. Сказочно красивый, но лгун.

Он криво улыбается, но не убирает своей руки. Мои глаза обессилено закрываются.

– Я спасу тебя, – шепчет мужчина. – Надеюсь, после я не пожалею об этом.

Я хочу открыть глаза и увидеть, с каким выражением лица он произнёс эти слова. В груди нарастает негодование. Последняя капля моей жизненной силы выходит с горячей кровью, которая заливает собой бескрайние снега Олтгейма. И прежде чем мне провалиться в бесконечную тьму, я чувствую обжигающий холод. Он заструился по венам, обжигая меня изнутри. Не могу пошевелиться. Тело не слушается. Хочется кричать. Слишком больно, чтобы жить, но недо-

статочно, чтобы умереть. Сердце сжалось и вновь забилося. Боль не прекращается ни на мгновение. И когда мне кажется, что уже вот-вот я получу облегчение, всё только усиливается.

«Дай мне умереть!»

«Это невыносимо!»

В живот вонзается миллион иголок, которые откусывают от моей плоти по кусочку и безжалостно вырывают. Я беззвучно плачу, разрывая сухие губы в кровь. Никто не слышит моей мольбы. Никто не отвечает.

«Дай мне умереть, умоляю!»

Агония продолжается. Мои кости скручивает. Я слышу, как плоть разрывается. Кровь превращается в огонь, который блуждает по венам вместо холода. Меня трясёт так сильно, что если бы не руки, удерживающие меня, я бы перекачивалась по земле, как рыба, попавшая на сушу.

«Ненавижу!»

Сердце замирает. Чувствую, что остановилась дрожь. Влажные волосы касаются моей щёки, и я слышу тихий голос у самого моего уха:

– Такая твоя благодарность? Я вернул тебя к жизни. Сейчас ты встанешь и даже сможешь идти сама. А потом всё забудешь. Магия – вещь непредсказуемая. – Он затихает и касается губами моего уха. – Но благодарная.

Он резко отстраняется от меня. Раскрываю глаза. Ярко светит луна. Лёгкий холодный ветер касается раскраснев-

шихся щёк. Незнакомец сидит на коленях возле моего тела и безучастно рассматривает моё лицо. Райн бледный и напуганный. Его пальцы трясутся, когда он касается моей руки.

– Ты спала несколько часов, – произносит он.

Вздрагиваю от его слов и перевожу взгляд на незнакомца. Он одет во всё чёрное. Его камзол расшит золотой нитью. Лорд? Судя по реакции брата, он не слышал пламенной речи, произнесённой возле моего уха. Агония длилась несколько часов?

Или...

– Сладким был сон? – Прерывает мои мысли мужчина в чёрном.

– Безумно. – Замечаю, как изменился мой голос. В нём появилась сила.

– Что снилось?

«Твоя мучительная смерть».

А вслух:

– Ничего.

Его взгляд леденеет. Серые глаза покрываются коркой льда. Он медленно встаёт.

– Вот и прекрасно, – его голос наполнен безразличием.

Райн просовывает руки под моё тело и аккуратно приподнимает меня от земли. Я прижимаюсь к телу брата и прячу от всех свои слёзы.

– Далее я справлюсь сам, – голос брата уставший. – Благодарю вас за помощь! Если вы хотите получить вознаграж-

дение, то свяжитесь со мной...

– Это лишнее, – прерывает его незнакомец. – Берегите её.

– Безусловно, – отвечает Райн, крепче прижимая меня к себе.

Мне хотелось кричать брату. Умолять его не разговаривать больше с этим незнакомцем. Желание всё рассказать было настолько сильным, что пришлось сжать челюсти до хруста. Он мучил меня несколько часов. Мучил во сне, что несомненно! И пусть сейчас боли не было, я отчётливо её помню. Я всё помню.

– Прощайте, – произносит мой брат, держа меня на руках.

– До встречи, – шепчет незнакомец.

От этих его слов мною овладевает паника. Я вжимаю пальцы в одежду Райна. Слежу за каждым шагом, за каждым вздрагиванием. Ничего другого мне не остаётся. Можно закрыть глаза, но нельзя заткнуть уши. Но хуже всего лицо незнакомца и его холодные, как ртуть глаза.

Глава 2

«В лугах лесных, окутанный мглой, сидел он, смотря на свой дом родной. Искал он её среди дальних лесов. Её лишь хотел найти»

Я просыпаюсь от собственного крика. В груди бешено колотится сердце. Сажусь на кровати и касаюсь живота. От ра-

ны не осталось и следа. Только тоненькая красная полоска. В комнате пусто и холодно. Кто-то оставил открытым окно. Я ставлю ноги на пол и медленно иду, чтобы закрыть его. Ощущаю невероятный прилив сил.

Я вернулась из леса на руках брата сегодня ночью. Сняла с себя окровавленную одежду, наспех умылась и забралась в постель. Проспала пару часов, прежде чем проснулась от кошмаров. Мне снилась Катрина. Её сияющие счастьем глаза, медовая кожа, светлые волосы. Она умерла на моих глазах. Что было бы, если бы я успела сделать ещё один шаг? Тогда умерла бы я, а она выжила.

Но чем больше я думаю, тем яснее осознаю, что приключение, в общем-то, пришлось мне по душе. Едва ли не вся моя жизнь прошла в ожидании, когда двери клетки наконец распахнутся. Страх стал новым, до того не ведомым ощущением. По крайней мере, теперь я точно знала, чего именно следует бояться и кого.

Я смотрю на утреннюю зарю и радуюсь возможности это делать. Небо окрашено в розовые краски. Солнечный диск лениво поднимается из-за горизонта. Снег приятно блестит в мягких утренних лучах. Я жива. Касаюсь пальцами места на груди, где находится сердце, и чувствую лёгкую дрожь. Делаю глубокий вдох. Медленно выдыхаю.

Дверь тихо открывается. Я разворачиваюсь, чтобы увидеть вошедшего.

– Вы уже встали, леди Абигейл? – Миа удивлена моему

раннему подъёму.

– Не спится, – пожимаю я плечами.

– Мне велено разбудить вас на рассвете, – смущается девушка. – Сегодня у вас встреча с женихом.

Я закрываю глаза. Стараюсь убедить себя, что родители делают всё правильно, что без этого нельзя. Но по коже бегут мурашки. В какой-то момент меня даже посещает мысль: а что если я просто сбегу?

– Делай, что должна.

Я возвращаюсь к кровати и обессилено опускаюсь на мягкие простыни.

– Я принесла ваше новое платье и...

Качаю головой. Что бы она не собиралась сказать сейчас мне нет до этого никакого дела. Миа достаёт из коробки пышное платье лавандового цвета. Его низ обшит серебряной нитью. Сверху прозрачная переливающаяся паутинка. Рассматриваю платье и делаю вывод, что оно великолепно. Тянусь к прикроватному столику за книгой, которую оставила здесь перед поездкой на тайную свадьбу. Открываю на середине и бегло читаю, не понимая, о чём идёт речь.

– Я подготовлю для вас ванну.

Киваю. Она исчезает в соседней комнате.

Я успеваю прочесть несколько страниц, прежде чем служанка возвращается. Скидываю сорочку, прикрывая шрам со швами рукой. Мне предстоит их самостоятельно снять. Ванная, полная воды и ароматного масла. Запах интенсив-

ный и приторный. Опускаюсь в горячую воду и позволяю каждой мышце расслабиться. Миа моет мои волосы. Я блаженно закрываю глаза.

– Вы переживаете? – нарушает тишину служанка.

– Я позволила тебе говорить со мной? – грубо отвечаю и осекаюсь. – Прости. У меня была тяжёлая ночь.

– Вы правы, леди. Я не могу говорить с вами без позволения, – голос девушки дрожит. – Но вы так бледны и напуганы. Если я могу что-то для вас сделать...

Я тяжело выдыхаю. Неужели это так заметно?

– Мне давно не снились кошмары, – уклончиво отвечаю я.

Перед глазами сияют серые глаза незнакомца. Его тяжёлые тёплые ладони словно оставили свой след в месте, где касались моей кожи. Он маг. В этом нет сомнений.

Меня не смог исцелить Джозеф. А он смог...

Не могу вспомнить, что именно он сделал, но мысль об этом заставляет тело сжиматься от неизвестного чувства. Ужас последней ночи не отпускает, то и дело отзываясь произвольной дрожью. Память об острой стреле, пронзающей мою плоть, подступает кровавой слюной к горлу, вызывая и другие воспоминания: красивое мужское лицо, бархатный тембр голоса, безэмоциональные серые глаза.

– Леди? – отзывается Миа.

– Да, – я изображаю беззаботную улыбку.

– Вы побледнели.

Качаю головой – только бы не расплакаться.

– Нет, ничего такого. Я просто... Неважно.

Миа быстро смывает мыло с моих волос. Я закутываюсь в тёплый халат и ещё какое-то время просто стою. Затем служанка выходит из ванной. Поднимаю полы халата и делаю своё дело в оставленную для этой цели медную чашу. Затем беру ножницы и смотрю на свой живот с аккуратными стежками. Вспоминаю прошлую ночь и вздрагиваю.

Джозеф оставил ровные стёжки, его рука ни разу не дрогнула. Закрываю на мгновение глаза. Меня не покидает чувство, что я что-то забыла. Роюсь в своей памяти, но каждый раз натываюсь на пустоту. Не могу вспомнить!

Разрезаю нити. Скручиваю полотенце, и засовываю кончик себе в рот. Сжимаю со всей силы челюсти. Резкая боль пронзает плоть и кожу, когда я вытягиваю нить за нитью. Слезы текут по моим щекам. Сосредоточенно делаю своё дело. Жалеть себя буду потом. Нити выходят туго из зажившей плоти. На последнем стёжке я на грани потери сознания.

Заканчиваю со швами.

Трясущимися руками вытираю с кожи кровь. Возвращаюсь в спальню. Отдвигаю штору и впускаю солнечный свет, который ярче любой лампы. Миа держит в руках масла и расчёску. Я обессиленно сажусь в кресло и позволяю служанке выполнять свою работу.

В момент, когда Миа заканчивает вычёсывать мои влажные волосы, в комнату заходит графиня.

– Доброе утро, Абигейл. – Мама встаёт позади меня, и я

вижу её отражение в зеркале.

– Доброе.

Смотрю на служанку, которая сейчас похожа на варёного рака.

– Наш особенный гость уже прибыл в замок, – сообщает мне новость мама. – Вы познакомитесь, когда ты спустишься к завтраку.

– Будет по-вашему.

Я не вслушиваюсь в последующую речь графини. Понимаю, что она рассказывает о моём женихе. Мои мысли далеки от этой комнаты и замка. Я всё ещё лежу на снегу, залитая собственной кровью, а надо мной возвышается тот самый незнакомец.

– Аби! – окликает мама. И я ловлю себя на том, что смотрю в окно, за которым светит яркое утреннее солнце.

– М? – Перевожу взгляд на отражение графини в зеркале. Мама смеётся.

– О ком это ты думаешь с таким мечтательным выражением лица?

Я краснею и опускаю взгляд. Пусть думает, что угодно. Правду о том, где была её дочь этой ночью, графиня не узнает.

– Швея отшила тебе платье по моим меркам, – переводит тему мама. – Я внесла некоторые свои пожелания. Думаю, ты не будешь возражать.

Я и не возражала. Мне было всё равно.

Волосы окончательно высохли. Миа скручивает пряди в жгуты, чтобы они вились красивыми аккуратными локонами.

– Не хмурься, – улыбается мама. – Никто не заставляет тебя выходить за него замуж. Это просто знакомство. Ничего более.

Аккуратно киваю, чтобы не помешать работе служанки. Она заплетает часть моих волос в косу, которую огибает вокруг моей макушки по типу короны.

– Добавь ей в волосы цветы. – Приказывает графиня и достаёт из шкатулки шёлковые фиалки. – С платьем будет смотреться великолепно.

В нашей Империи живые цветы – роскошь, которой мы лишены. Даже искусственные цветы, изготовленные из шёлка, ценятся в высшей степени.

Миа заканчивает мою причёску, и я встаю. Надеваю нижнее бельё, корсет и обувь. Затем мне помогают надеть пышное лиловое платье. Графиня смотрит на моё отражение в зеркале. Её взгляд блуждает по моим рукам, шее и лицу. Она довольна тем, что видит.

– Великолепно! – восхищается мама.

Сосредотачиваюсь на мыслях, жду, пока снова смогу дышать ровно. В этом платье я вся свечусь. Безусловно, оно было лучшим из всех у меня имеющихся. Провожу руками по ткани и поворачиваюсь боком к зеркалу. Красиво.

– Мама, – зову я графиню прежде чем она выходит из мо-

ей комнаты. — Если жених мне не понравится. Он сразу же уедет?

— Безусловно. — Мама отвечает быстро, не задумываясь.

Собираюсь покончить с этим как можно скорее. Загнать себя в рамки послушной дочери я уже не могу. Выхожу в коридор и на ватных ногах следую за графиней к лестнице. Внизу слышны разговоры. Медленно перебираю ногами, пока спускаюсь по ступенькам. Благо, не зацепляю ногами длинную юбку, что, кстати, далось мне весьма непросто.

Замечаю Райна, одиноко стоящего возле окна. Возможно, он не спал всю ночь, как и я. Направляюсь к нему. Нужно подбодрить брата, сказать, что всё в порядке, что всё закончилось и главное, что мы оба живы. И пусть я никогда больше не смогу спокойно уснуть, он должен думать, что я отношусь к этому иначе.

Глубоко ухожу в мысли и не сразу слышу голос отца:

— Абигейл, летаешь в облаках, дорогая?

Папа стоит вместе с женой возле камина. Я замечаю высокую мужскую фигуру. Он стоит спиной ко мне, и я не вижу его лица. Графиня улыбается, когда смотрит на гостя. В её руке бокал с водой. Не имею желания рассматривать его. Замечаю лишь, что он довольно высокий. Отец жестом подзывает меня к себе. Я подхожу и встаю рядом. Опускаю взгляд на свои ноги. Гость ощущает моё присутствие и медленно разворачивается лицом к графу для приветствия.

— Лорд Белфорд, счастлив представить вам мою дочь — ле-

ди Абигейл Грефт. – Отец широко улыбается. Его рука лежит на моей руке.

Я, не поднимая взгляда на потенциального жениха, присаживаюсь в плавном реверансе.

– Приятно познакомиться, лорд Бел... – речь обрывается, потому что я всё-таки поднимаю взгляд.

Он одет во всё чёрное. Снова. Его лицо при свете утреннего солнца напоминает мне идеальную мраморную скульптуру, сотворённую безумно талантливым скульптором. Серые глаза безэмоционально и скучающе взирают на меня. В них больше холода, чем жизни. Не знаю почему, но это меня больно ранит. В районе сердца колит обида. Хочется дать ему пощёчину, выгнать из своего замка, обвинить. Но я молча стою. Он приподнимает одну бровь. Его губы растягиваются в подобии улыбки.

– Это взаимно, леди Грефт.

Его взгляд не выдаёт ни единой мысли. Ни один мускул на его прекрасном лице не дрогнул. Огорчаюсь и корю себя за отсутствие самообладания. Возможно, я была ему даже благодарна за то, что он не обмолвился о вчерашней ночи.

– Дамиан Белфорд, – официально представляется он и склоняет голову.

Слежу за тем, как меняется в лице мама. Графиня в восторге от нашего гостя.

– Вы благополучно добрались? – улыбается она.

Я злюсь: на неё, на себя, на обстоятельства, на незнаком-

ца. Особенно на незнакомца.

– Можно сказать и так, – уклоняется он от прямого ответа.

– Никого не убили по дороге? – Проигрываю собственной злости и сжимаю челюсть до неприятного натяжения.

Графиня вздрагивает и переводит испуганный взгляд на мужа. Рука отца крепче сжимает мою.

– Никого. – Ответ лорда был облачён в холодную сталь.

Натянута ему улыбаюсь.

– В Олтгейме нет ничего интересного. Смертная скука. Уверена, что вам здесь не понравится.

Он склоняет голову набок и заглядывает в мои глаза. На его лице отстранённость сменяется интересом.

– А это решать буду я, леди Абигейл, – в его голосе отчётливо слышны нотки металла.

В боку начинает ныть шрам. Дыхание стаёт поверхностным и частым. Не отвожу взгляд, когда его серые глаза встречаются с моими. Его руки спрятаны за спиной, но я вижу, что им овладевает напряжение. Мама машет рукой слуге, и тот передаёт ей бокал с красным соком. Графиня аккуратно обходит своего гостя и вкладывает мне в руку стеклянную ножку. Её взгляд злой и недовольный. Она нежно сжимает мои пальцы, так, что они хрустят.

– Выпей, дочка. Нам всем нужно немного расслабиться.

Я и не заметила, какую сильную жажду испытываю. Делаю первый глоток и понимаю, что пью не сок – красное терпкое вино. Оно обжигает гортань и немедленно ударяет мне

в голову. Гостиная плывёт перед моими глазами. Отвлекаюсь от собравшихся. Отец начинает рассказывать лорду о различных пустяках. Мама стоит рядом и делает вид, что понимает, о чём идёт речь. Выпиваю залпом добрую половину бокала. Слегка пошатываюсь, что, кажется, замечают все. Лорд Белфорд безэмоционально слушает. Его взгляд сосредоточен на мне. Иногда он опускает его на уровень моего живота, – в место, где было ранение, а затем возвращает к моему лицу.

«Мать Земля, я тебя никогда ни о чём не просила, но сейчас, прошу, дай мне сил. И сотри осуждение с матушкиного лица. Пожалуйста».

Отец берёт свою жену под руку и ведёт к столу. Лорду Белфорду достаётся место напротив меня. Я медленно присаживаюсь и разглаживаю салфетку на коленях. Обвожу взглядом стол и понимаю, что на завтраке присутствуем только: я, лорд Белфорд и мои родители. Райн тихо нас покинул.

– Встреча с вами скрасила наше утро, – улыбается графиня.

Я опускаю голову вниз, чтобы никто не заметил моего раздражения. Дамиан раскладывает салфетку на своих коленях и улыбается моей матери.

Эдакий Коршун за столом. Несите дичь!

Губы невольно растягиваются в улыбке, и я прячу её за ладонью. Серые глаза смотрят на меня несколько секунд, а затем я первая отвожу взгляд. Это меня сильно раздражает

и злит.

Булочки с маслом пахнут великолепно. Приходится напомнить себе, кто тут воспитанная леди, и заставить себя сдержаться, чтобы с шумом не вдохнуть их аромат.

– Абигейл прекрасно рисует, – говорит папа и гордо смотрит на меня. – Слышал, ваша сестра увлекается живописью? – спрашивает отец, чтобы скрасить нависающую тишину.

Значит, у лорда Белфорда есть сестра. Интересно.

– Увлекается. – Белфорду не нравится отвечать на вопросы, связанные с его сестрой.

Я беру с подноса булочку и невозмутимо её надкусываю. Замечаю тяжёлый взгляд Белфорда на своих губах.

– Сестра младше или старше вас? – задаю вопрос с набитым ртом.

Его взгляд задерживается на булочке, которую я только что откусила.

– Младше, – коротко отвечает он.

Лицо Белфорда окрашивает любопытство.

– Младше? – глупо переспрашиваю и делаю вид, что задумалась. – Вы, скорее всего, безумно её любите.

Он молчит.

– А знаете, кого люблю я?

Мужчина качает головой и не сводит с меня своего сосредоточенного взгляда. Белфорд задерживает дыхание. Я замечаю это и внутренне ликую.

– Своих братьев и сестёр, конечно.

Белфорд откидывается на спинку стула и сужает глаза. Я чувствую лёгкое головокружение после бокала вина. Графиня смущённо отводит от меня свой взгляд. В воздухе висит напряжение. Лорд должен что-то сказать. Я смиренно жду его реплики. Проходит минута, затем вторая. Мама начинает нервно ёрзать на стуле. Отец накрывает её руку своей и качает головой. Верное решение. Это наша с Белфордом игра. Лорд наклоняется чуть ближе ко мне и произносит сухим отстранённым тоном:

– Не хотел бы я испытать на себе силу вашей любви.

Закрываю глаза. Слова ранят сердце.

Мама тихо всхлипывает, но успевает взять себя в руки. Маска немедленно возвращается на её лицо, и вот она уже гордая леди высшего света Олтгейма.

– Простите мне мою бестактность, – недовольно произносит графиня, – но позвольте полюбопытствовать, что с вашими руками?

Я перевожу взгляд на руки лорда Белфорда и вспоминаю вчерашнюю ночь. Морозом сковывает сердце. Беру стакан с водой, чтобы проглотить образовавшийся ком в горле.

– Лорд Белфорд стал невольным свидетелем ночной бойни в лесу, моя дорогая, – отвечает на вопрос мамы отец. – Вчера пытались тайно пожениться дочь Маклейка и сын Алона.

Вилка выпадает из рук графини и звонко ударяется о та-

релку.

– Вы не пострадали? – испугано произносит она.

– Пришлось вмешаться, – отвечает Белфорд. – Иначе погибло бы больше людей.

Чувствую, как накатывает волнами ненависть. Мне не известно, скольких спас этот человек и спас ли вообще. Но после его слов и действий я почему-то не испытываю к нему снисходительности.

Странно и то, что мне не удаётся вспомнить причину моей ненависти.

– К сожалению, виновники вчерашних событий покинули наш мир. Да сохранит их Мать Прародительница. – Отец поднимает бокал и делает глоток.

Джозеф...

Мои глаза на мгновение закрываются. Я стараюсь погасить приступ паники.

– Да придут они в вечной обители, – тихо говорю и поднимаю взгляд на Белфорда.

Он сидит с каменным непроницаемым лицом. Я не знаю, о чём он думает. Резко вдыхаю и чувствую, что воздуха не хватает. Руки бьёт мелкая дрожь. Опускаю взгляд.

– Жених был довольно сильным целителем. – Слышу голос лорда Белфорда. – Обычно такие маги весьма ценны для императорского дворца. Их не казнят.

Поднимаю глаза на отца. Белфорд говорит об этом таким будничным тоном, что у меня холодеет всё внутри. Отец про-

кашливается и вытирает платком пот со лба. Замечаю его нервное движение и сжимаю губы.

– Только один маг? – спрашивает отец не своим голосом.

– Вам интересно, где была ваша дочь прошлой ночью?

Перестаю дышать. Страх сковывает лёгкие и бьёт яркой вспышкой в голову.

Он шутит!

Он не скажет!

– Что вы имеете в виду? – злится отец.

Я не шевелюсь.

Белфорд сминает салфетку. Я слежу за тем, как он встаёт. Его высокая тонкая фигура нависает над столом. Лицо искажает кривая ухмылка.

– Я имею в виду, что на ночной бойне присутствовало по меньшей мере три мага.

Слёзы обжигают глаза. Одна его фраза способна меня полностью уничтожить. Меня и Райна. Смотрю в его лицо упрямо и дерзко. Не отвожу взгляд. Он широко улыбается и продолжает:

– Первый маг – Джозеф. Он сильный целитель. Мне бы в команду такого. Жаль, что отдал душу Прародительнице.

Он смотрит на мою реакцию. Играет со мной, словно кошка с мышкой. Итог мне известен: если мышка не окажется проворной, её съедят.

– Второй маг – я. – Он произносит это непринуждённо и спокойно, словно говорит о том, что у него имеется на-

сморк.

Я перевожу взгляд на отца: он сжимается, словно над ним нависает опасность. Его лицо серое и печальное. Руки с трудом удерживают вилку.

– Достаточно, – просит мама.

Заставляю себя подняться, ни на что другое просто нет сил. С удовольствием отмечаю, как изменяется в лице лорд Белфорд.

– Отчего же? – язвительно улыбаюсь. – Пусть продолжает!

Мужчина спокойно смотрит на меня. На его лицо падает свет от окна. Солнце уже вошло в зенит, и снег окрасился в золото.

– Назовите третьего мага, – шепчу непослушными губами.

Поглядываю на отца: я давно подозревала, что в нашей семье что-то скрывают. И это состояние отца не внушает никому доверия. Неведомая болезнь? Сомневаюсь. Что ты скрываешь, папа? Или у меня паранойя.

– Предлагаю завершить этот разговор. – Отец с трудом сидит. – Лучше продолжить его в моём кабинете наедине.

– Не хотите продолжать общение в присутствии своей дочери? – Это, кажется, веселит Белфорда. – Понимаю, но не поддерживаю.

– Не говорите обо мне так, словно меня здесь нет! – повышаю голос.

Его левая бровь ползёт вверх. Машинально ищу на поясе эфес меча, но поздно вспоминаю, что его на мне нет. Бел-

форд следит за моим движением, и раздаётся его неуместный смех.

Мне становится не по себе.

– Абигейл, нам следует оставить лордов наедине. – Мама подходит ко мне.

Её лицо окрашено румянцем злости, но она сдержанно протягивает ко мне руку.

– И не подумаю.

Делаю шаг в сторону и не позволяю матери коснуться меня. Мой голос дрожит от злости, когда я произношу следующее:

– Я не уйду. И не оставлю отца наедине с этим человеком. Если у вас есть что обсудить, лорд Белфорд, то мы сделаем это все вместе. Здесь и сейчас.

Перед глазами вижу белый снег, окрашенный моей кровью. Вспоминаю острую, нестерпимую боль, которую причинили мне его глаза. Тело не двигалось. Я лежала как кукла. Моё сознание было в его власти. Вспоминаю, как горели его глаза, с каким выражением он наблюдал, как я сгораю в агонии боли. Меня охватывает волна ярости и одновременно с тем страха. Почему я вспомнила об этом только сейчас?

– Возможно, ты права, дочка. – Кожа отца покрывается потом, когда он встаёт.

Я говорила, что готова ко всему. Нет, не готова. Неожиданно для себя чувствую, как учащается ритм моего сердца. Из всех сил стараюсь не показать, как потрясло меня состо-

ание отца. С безразличным видом, словно всё происходящее совершенно естественно, следуя за ним в его кабинет. Секунду-другую мама смотрит на меня растерянно. Затем встаёт у меня на пути, не пропуская к выходу.

– Абигейл, мы уходим! – говорит она с нажимом.

– Нет смысла и далее убегать, Эмилия. – Отец встаёт рядом с женой.

Смотрю папе в глаза и заставляю себя улыбнуться. Мы следуем в кабинет графа. Мамины плечи поникли. Она идёт рядом со мной, но держится на расстоянии. Белфорд движется тихо и размеренно, словно впереди его ждёт собственная спальня и длительный отдых. Меня раздражает его уверенность. Не знаю почему, но мне это не нравится.

Главное не показать, что мне страшно.

В кабинете зашторены тяжёлые бархатные шторы и здесь довольно темно. Я мысленно радуюсь этой маленькой детали. Отец присаживается в своё кресло. Мама грациозно опускается на диван. Я и Белфорд продолжаем стоять.

– Claudere, – произносит непонятное слово отец.

Я слежу за тем, как дверь закрывается сама. Без посторонней помощи. Затем бледное жёлтое свечение охватывает комнату.

– Не предусмотрительно пользоваться магией в вашем положении, – бьёт словами Белфорд.

Комната начинает раскачиваться. Я чувствую, как сердце бьётся где-то на уровне горла. Отец застигнут врасплох,

но грустная улыбка так и остаётся на его лице. Он переводит свой взгляд на стремительно бледнеющую меня.

– Да, дочка. Ты поняла всё верно, – отец опускает голову. – Я – маг.

Смотрю ему в глаза.

– Почему ты не сказал мне раньше?

– На это есть причины, – отец тяжело выдыхает. – Сейчас я хочу послушать вас, лорд Белфорд. Что вытворила моя дочь?

Машинально сжимаю пальцы в кулак. Жёлтое сияние усиливается. Я практически ощущаю в воздухе запах чар. Краем глаза замечаю, как Белфорд презрительно кривит рот.

– Ничего интересного, лорд Грефт. Сплошные мелочи: билась на мечах с серыми плащами, была смертельно ранена стрелой, истекала кровью, умерла на моих руках.

Страх накатывает волной. Слежу за реакцией отца: он безэмоционально повёл пробую и откинулся на спинку кресла.

– Умерла?

Снова смотрю на Белфорда.

– Умерла.

Да, я могла бы высказаться. Да, могла бы. Но я и сама не предполагала, что Белфорд зайдёт так далеко.

– Как же тогда она стоит здесь целая и невредимая? – голос отца выдаёт его волнение.

– Джозеф хороший целитель. – Врёт моему отцу Белфорд. Я зло на него смотрю.

Почему он решил не упоминать о том, как исцелил меня?

Не хочет, чтобы другие знали, как это было мучительно больно?

Пелена ярости застилает мой взор. Чувствую, что не могу больше себя контролировать. Или не хочу? Мы стоим близко. Мне будет мешать пышное платье. Задумываюсь об этом на мгновение. Затем делаю выпад локтем. Цель не достигнута. Белфорд вовремя отшатывается. Мой кулак летит чётко между его глаз. На его лице довольная улыбка. Он уворачивается. Удар. Ещё и ещё. Цветы осыпаются с моей головы. Волосы рассыпаются по плечам. Бью в торс и перехватываю его руку. Переворот. Белфорд удерживается от падения. Хватает обе мои руки и заводит мне за спину. Я кидаюсь на него, но он оказывается сильнее. Злобно рычу.

– Вы всегда так разрешаете конфликты, леди Грейф? – Он смотрит на меня сверху вниз и смеётся.

Ничего не могу ответить. Злость душит и забирает остатки разума. Кидаюсь на него вновь. Он больно сжимает мои руки. Затихаю.

– Абигейл, что ты делаешь? – Мама напугана и в смятении.

Хочу рассказать всем, что это за человек. Но вовремя сдерживаюсь и не произношу ни слова.

– Мы поговорим с тобой позже, юная леди, – злится отец и не смотрит на меня.

– Я не могу поверить, Абигейл, – всхлипывает мама. –

Мне стыдно перед вами, лорд Белфорд.

– Думаю, наш уговор можно считать расторгнутым, – произносит отец и вжимает голову в плечи.

Белфорд продолжает удерживать мои руки, когда производит:

– Я не отказываюсь от своих слов.

Отец неуверенно смотрит на меня. Мама прикрывает рот рукой. Её глаза полны непролитых слёз.

– Она не согласится, – обречённо сообщает графиня.

– Я всё ещё стою здесь. Мама! – гневно повышаю голос.

Она поднимает взгляд и бледнеет.

– Она права, – соглашается отец. – Я должен поговорить со своей дочерью.

Белфорд отпускает мои руки и отходит на шаг в сторону. Я тру ноющие запястья.

– Разве это главная тема обсуждения? – лениво тянет он и смотрит так, словно я допустила бестактность.

Резко разворачиваюсь к нему лицом и вздёргиваю подбородок.

– Скажите же, какая тема главная, лорд Белфорд?

– С большим удовольствием, леди Грефт, – зеркалит он моё обращение. – Ваш отец сейчас справится со своей магической слабостью и сообщит вам о её причине. Вы разозлитесь. Но давайте сразу опустим формальные разговоры: у вас нет выбора. Ни у кого из присутствующих здесь его нет, – он делает плавный шаг в мою сторону.

Белфорд ждёт от меня реплики в ответ на его откровенность, но я не знаю, что сказать. Меня охватывает страх. Он волной движется по венам, разгоняя кровь.

– О чём говорит этот человек, отец?

Отец пытается встать, но заваливается в кресло. Белфорд вытягивает руку, и я испуганно вскрикиваю, замечая чёрных магических змей, движущихся в сторону графа.

– Умоляю!

– Уже умоляешь? – Белфорд ухмыляется.

Змеи продолжают движение. Отец смиренно сидит в кресле и не предпринимает попыток увернуться. Я хватаюсь за руку Белфорда и тяну её вниз, в надежде, что таким образом магия исчезнет. Он изумлённо смотрит на меня. Лиф моего платья касается пуговиц его чёрного камзола. Змеи проникают в тело отца и растворяются, словно дымка. Папа медленно втягивает образовавшийся дым ноздрями. Моё сердце замирает. Лицо графа стремительно меняется: щёки розовеют, пропадает дрожь в руках. Папа облегчённо выдыхает и уверенно встаёт.

– Благодарю вас. – Он склоняет голову в знак благодарности.

– Пустяки, – отвечает Белфорд. – Этого должно хватить на какое-то время. Но мой вам совет: не используйте больше магию. Ваш резерв на нуле.

Обращаюсь к Белфорду:

– Что вы сейчас сделали?

Он лениво улыбается, и эта улыбка напоминает мне ночной полумесяц.

– Влил в вашего отца немного своей магической силы, несмотря на все ваши попытки помешать мне.

Меня обдаёт жаром стыда.

– Абигейл! – зовёт меня отец.

Я медленно поворачиваю к нему голову.

– Боюсь, что лорд Белфорд прав, – тяжело выдыхает отец. – У нас у всех нет выбора. Твоё замужество неотвратимо.

Я теряюсь. Комната стремительно темнеет.

– Что он сделал с вами? Он угрожал вам?

Белфорд залиvisto смеётся. Я вздрагиваю.

– Скажите уже ей, – подначивает он.

Отец набирает полную грудь воздуха. Я вижу, что он борется с собой.

– Я умираю, дочка.

Слова прозвучали как гром среди ясного неба. Может, отец и не хочет причинить мне боль, но это не означает, что он этого не делает.

– Я говорила вам, что нужно обратиться к лекарю. Это важно и...

– Лекарь мне ни чем не поможет, – перебивает меня отец. – Мою жизнь забирает моя магия.

Мама не сдерживается и всхлипывает. Поворачиваю лицо к ней и вижу бегущие слёзы по её щекам.

– Мне осталось совсем мало времени. Мой долг позаботиться о тебе.

– Говорите конкретнее, – вмешивается Белфорд.

Отец тяжело выдыхает. Его верхняя губа трясётся.

– Мою жизнь забирает сложное заклинание.

– Что это за заклинание, папа? – Я ничего не понимаю.

– Оно скрывает тебя от Альянса, – на одном дыхании произносит граф и сжимается.

– Причём здесь замужество? – нервничаю я.

– Притом, что ваш отец, леди Абигейл, умрёт меньше чем через месяц, если не передаст другому магу эту ношу, – вмешивается Белфорд.

– Вам то это зачем? – психую я.

Отец, прищурив глаза, смотрит на Белфорда. Мне ненавистна сама мысль о том, что я могу стать женой этого человека. Смотрю на папу: он сидит с ровной спиной. Сейчас никто не сможет сказать, что он болен. Неужели его жизнь зависит от моего решения? Тогда у меня и вправду нет выбора.

– У нас с лордом Грефтом свои счёты, – отвечает Белфорд. – И раз всё уже решено, я могу вас оставить.

– Я не сказала – да.

– И не скажешь, – шипит он.

– Милая, – зовёт меня отец. – Ты должна узнать ещё кое-что.

Злобно смотрю на Белфорда. Если бы не состояние отца, я бы ни за что не согласилась даже находиться с ним в одной

комнате.

Медленно отворачиваюсь. Выдыхаю.

– Ты тоже маг, – говорит отец.

Внутри больно сжимается сердце. Не могу сделать вдох. Вижу, как отец бежит ко мне, чтобы удержать от падения, но падаю в уже знакомые сильные руки.

«Ты сказал, что не дашь мне умереть!» – мысленно произношу фразу, которую не в силах сказать вслух.

«И не дам, нежная моя...» – звучит уверенный ответ в моей голове.

Тьма.

Как же мне плохо. Нестерпимо болит голова и душа. Пытаюсь открыть глаза, но они не поддаются.

«Ты тоже маг!» – звучит в моей голове снова и снова.

Я не владею магией. Нет! Совершенно точно не владею. Почему отец так сказал? Что пообещал ему Белфорд? В груди накапливается горечь. Горло горит огнём. Внутри всё сжимается в один сплошной болезненный клубок. Сейчас я встану и пойду к отцу. Моя минутная слабость помешала разговору. Делаю над собой усилие и приоткрываю глаза. Вечерняя заря окрашивает стены мягким оранжевым светом. Окно приоткрыто так, что ветер свободно гуляет по комнате. Красивое лиловое платье висит на ширме.

Никого рядом нет.

Аккуратно сажусь. В глазах начинает темнеть, но я покорно жду, пока пройдёт слабость. На столе – свежий хлеб, мягкий сыр, малина, но слуг, которые это приготовили, не видно. Невольно вспоминаю девушку с яркими глазами и медовым голосом. Катрина была прекрасна, как свежий сладкий фрукт. Жаль, жизнь её была короткой, как у бабочки.

Слабость отступает. Я спускаю ноги с кровати и шлёпаю в ванную. На ходу заправляю полы халата и туго завязываю пояс. Останавливаюсь напротив каменной чаши. Вливаю в неё холодную воду и жадно лью её себе на лицо. Гоню прочь тягостные мысли. Зря я устроила ту бойню с Белфордом – не подумала, и получилось нехорошо.

Возвращаюсь к себе. Стою и бездумно смотрю на оставленную для меня еду. Понимаю, что не смогу съесть и кусточка. Выхожу в коридор, чтобы найти отца. Точка в разговоре не поставлена. Иду медленно, потому что в глазах снова темнеет. Покачиваюсь на повороте, как вдруг кто-то резко хватает меня за руку и вжимает в холодную стену. Тихий ядовитый голос произносит возле моего уха:

– Нести твоё тело доставляет мне, несомненно, удовольствие, но давай договоримся, – он чуть отстраняется, его руки крепко держат моё лицо. – Больше никаких обмороков в моём присутствии, Абигейл.

Страх сменяется яростью, когда я понимаю, кого вижу перед собой.

– Уберите руки, – рычу.

– Хочешь показать мне свои зубки?

Он вжимает меня в стену сильнее. Я ощущаю тепло его тела даже сквозь одежду.

– Я хочу, – говорю и чувствую, что начинаю задыхаться от ярости, – чтобы вы немедленно покинули мой дом и перестали угрожать моему отцу!

Он улыбается.

– Как глупо.

Его взгляд блуждает по моему лицу и замирает на губах.

– Я не намерена терпеть ваши действия и далее.

У меня кружится голова. Рядом с нами никого. Только холодный камень и ступеньки. Только сердце стучится в груди всё громче и громче. Только его улыбка и глаза цвета ртути. Только бы не свалиться прямо здесь от нахлынувших сильных эмоций. Всё сильнее кружится голова, но я сжимаю губы зубами. Боль отрезвляет на мгновение.

– Я ещё ничего не сделал, – тихо произносит он, – но это поправимо.

Его губы тёплые, твёрдые и горькие. Я ощущаю знакомый привкус шалфея. Дёргаю головой, но в ответ он лишь крепче сжимает мой подбородок. Я вжимаюсь в стену, чтобы вырвать хоть какое-то расстояние между нашими телами, но он придвигается ещё ближе. Я не понимаю, зачем он целует меня. Его свободная рука заходит мне за спину, и моё тело вжимается крепче в его. Подаюсь назад, стараясь не думать о ярости, которая растёт с каждой секундой. Его поцелуй хо-

лодный, как и он сам. Я чувствую, что он не хочет этого, либо что ему не нравится. Белфорд отстраняется. Я могу вдохнуть полную грудь воздуха.

– Ты ошиблась, – говорит он и облизывает свою нижнюю губу.

Свожу брови и злюсь. Ошиблась? В чём? Хочу сказать, что я едва его понимаю, но заставляю себя молчать. Он по-прежнему обнимает меня за талию, словно хочет удержать здесь, в этом мгновении и на этом месте.

– Отпустите меня! – Получается мольба, а не приказ.

Он отпускает и отстраняется. Его руки расправляют складки на его одежде. Чёрные волосы небрежно растрёпаны, будто бы он только что поднялся с постели. Тонкие пальцы касаются моего лица. Я отстраняюсь.

– Ты волнуешь меня, – грустно улыбается он.

– Как вы смеете?

Смотрю на него долго и пристально.

Он скидывает брови.

– Хочешь приказать мне убираться прочь?

– А вы уйдёте?

– Вы всегда можете проверить, леди Абигейл.

Я с силой толкаю его в грудь. Его тепло проникает в меня через ладонь и я брезгливо кривлю рот.

– Убирайтесь, лорд Белфорд! И никогда больше не возвращайтесь.

Он медленно наклоняется и снова меня целует. Я не в си-

лах пошевелиться. Губы непроизвольно раскрываются ему на встречу сами. Думать о том, что обо мне подумают, не хочется. Не сейчас. Мои пальцы путаются в его волосах. За спиной – каменная стена. Он медленно проводит языком по моей нижней губе. Я никогда не чувствовала ничего подобного.

Я слышу свой собственный крик. Он заставляет меня распахнуть глаза. Резко сажусь в своей собственной постели. Совершенно одна. Вечерняя заря освещает мягким оранжевым светом спальню. На столе – свежий хлеб, малина, мягкий сыр. Я хватаю свою руку и оттягиваю кожу. Больно! Это не сон. Касаюсь губ, но они совершенно холодные. Провожу по ним языком – нет горечи.

Откидываюсь на подушки. Мне всё это приснилось! Это был сон. В первое мгновение я думаю, что Белфорд зачаровал меня. Иначе как можно объяснить столь реалистичный сон? Я снова сажусь. Спускаю ноги с кровати. Запахиваю полы халата и туго затягиваю пояс. Прохожу мимо ванной и замечаю, что каменная чаша полностью сухая. Облегчённо выдыхаю и иду в коридор. В замке пусто и тихо. Слишком тихо для вечера. Страх больно кусает сердце. Что происходит?

Направляюсь к лестнице.

В воздухе витает аромат гвоздики и шалфея. В свете факелов предметы отбрасывают длинные чёрные тени. Мои шаги неспешны. Останавливаюсь напротив открытой двери в кабинете отца. Оттуда доносятся голоса. Невольно прислуши-

ваюсь.

– Ваше состояние будет становится с каждым днём хуже и хуже, если вы не остановитесь. – Строгий голос Белфорда.

– Я благодарен вам за заботу, – выдыхает отец, – но я не могу иначе.

– Вы – глупец.

Мои пальцы сжимаются с такой силой, что белеют костяшки.

– Уверен, что это так, – усмехается граф, – но я безумно люблю её. Моя жизнь – ничто, если её нет в этом мире.

– Вы же понимаете, что она опасна, – холодно отвечает Белфорд. – Как только она почувствует вкус власти – не сможет остановиться. Это убьёт в лучшем случае её. В худшем – многих.

– Моя дочь не убийца.

– Хотелось бы верить, – усмехается Белфорд.

Я отшатываюсь от двери. В воздухе витает интенсивный аромат магии. Она сладкая, пряная, манящая. Закрываю глаза, чтобы остановить блуждающие мысли. Хочется втянуть воздух полной грудью. Почувствовать все нотки аромата. Представляю, как воздух раздвигает лёгкие, как в кровь поступает сладость и горечь, боль и удовольствие, жизнь и смерть.

Нет!

Открываю глаза и в ужасе прикрываю рот рукой. Вокруг всё горит зелёным светом. Я не вижу очертания предметов,

только яркий, нестерпимо манящий зелёный свет.

– Она обладает сильным характером, лорд Белфорд, – огрызается отец. – Я знаю её, как никто другой. Она справится.

– А что, если нет? – задаёт вопрос Белфорд.

– Абигейл – невероятно сильная девушка, – уверенно отвечает отец. – Её силу воли можно сравнить с гранитом.

– Тогда это всё меняет, – капитулирует Белфорд. – Вынужден оставить вас.

Он стремительно покидает кабинет графа и натывается на меня. Наши взгляды встречаются. Я гордо не отвожу глаз. Мне нечего стыдиться. Его лицо расслабленно, словно он рад видеть меня здесь. Рассматриваю его и с горечью отмечаю, что знаю, каковы эти губы на вкус. Знаю, какие эти тонкие пальцы на самом деле сильные. В груди сжимается сердце.

– Леди Грейф, – приветствует меня Белфорд.

Не могу выдавить из себя ни слова. Как наяву снова вижу его серые глаза в опасной близости от своих. Ощущаю тепло его рук на своей талии. Чувствую его сильное тело. Мне становится страшно от собственных мыслей.

– Простите, – шепчу я и пробегаю мимо.

Он оборачивается мне в след. Делает шаг, но я успеваю закрыть дверь перед его лицом. Поворачиваю ключ в замке.

– Если он захочет зайти, его это не остановит.

Отец сидит в своём кресле и растерянно смотрит на меня.

– Он не зайдёт, – уверенно отвечаю и подхожу ближе

к столу.

– Дочка! – Отец медленно встаёт.

Я вижу, что он выглядит лучше, чем накануне. Его светлые волосы аккуратно зачёсаны назад. Светлый костюм чист и сидит великолепно.

– Скажите мне, отец, – я вытягиваю руку, чтобы оставить между нами расстояние. – Почему вы назвали меня магом?

Он оседает на кресло.

– Я сказал чистую правду. Тебе пора узнать тайну твоего рождения, дорогая.

Сажусь в кресло напротив него и складываю руки на колени.

– Я готова.

Отец кивает и погружается в воспоминание:

– Больше тысячи лет назад существовал сильнейший человеческий маг в истории. Его имя и сейчас воспевают барды.

Я понимающе киваю. Эта древняя легенда мне известна.

– Причём здесь я?

– Его называли – Апоро, – что значит «мудрый». Он был старшим ребёнком в семье. Его родители умерли после рождения младшего брата. Апоро пришлось стать лидером в семье. До юношеского возраста ему была подвластна обычная бытовая магия. Простая, как и у многих других магов. Его слушалась природа, дерево, металл и плоть. Но однажды он почувствовал в себе новую силу. Она обжигала, наполняла

и давала безграничную власть. — Отец замолчал и задумался. — Каждый маг носит в себе определённый запас энергии. Он не может получить больше, чем уже дано. Энергия может только полностью уйти из тела мага. Тогда он умирает.

Задумчиво смотрю на отца и пытаюсь понять к чему он клонит. Граф расслабляет спину и продолжает свой рассказ:

— Он видел эту энергию. Она стала ему послушной. Единственный маг в истории, который смог забрать чужую магическую силу и присвоить её себе. Это свело его с ума. Безграничная власть и сила. Он мог опустошать целые армии. Забирать жизнь у любого, кто встанет у него на пути. Каждый склонил перед ним голову в трепете и благоговении. Он обладал безграничной и полноценной властью над всем живым. Тогда ещё Северные королевства не были объединены, и Апоро возжелал трон Илыштрасса. Его боялись. Его ненавидели. В итоге родной брат предал и убил его. Наполненный силой дух Апоро ушёл в Марвирт.

Я задумчиво вглядываюсь в лицо отца. Он поднимает на меня уставший взгляд.

— Апоро смог возродиться. В первый раз он вернулся через десять лет. Кучка магов убила младенца, прежде чем тот окреп. Так появился Альянс. Маги объединились, чтобы противостоять опасному злу. Злу, которое мечтает о мести. Вскоре магию запретят, и каждого, кто ей владеет, будут убивать ещё при рождении. Все опасались, что в одном из таких младенцев будет дух Апоро, и история вновь повторит-

ся. Возрождённые – простые люди – посвятили свои жизни тому, чтобы вычислять и уничтожать магов. Всех. Каждого. Без исключения. – Отец встал и посмотрел на меня с высоты своего роста. – Маги существуют сейчас, потому что не все родители были способны умертвить своё дорогое и любимое дитя. И я не смог, дочка. Не смог.

Я чувствую, как по моим щекам начинают бежать слёзы. Горячие. Горькие от осознания.

Отец продолжил:

– Апоро возрождался ещё несколько раз. И каждый раз был убит в младенчестве, – его голос срывается. – Когда ты родилась, комната озарилась зелёным свечением. Я знал, что это значило. Конечно, я знал. Я взял нож. Занёс его над твоей грудью. И не смог. Я не смог убить тебя, Абигейл. Я не смог.

Слёзы струятся по лицу отца. Он закрывает его ладонями.

– Я спрятал тебя, как простой трус. Чего я ожидал? Я и не смел надеяться, что ты сохранишь свою личность. Что ты будешь простым ребёнком. Мы с Эмилией следили за тобой. Боялись, что в один из дней ты вырвешь моё магическое сердце. Но больше страха приносила мысль, что однажды я должен буду вонзить нож в твоё. Мы боялись каждого нового дня. А ты росла обычной девочкой: смелой, строгой, серьёзной. Я не чувствовал в тебе магии и уже было решил, что всё это простая глупая легенда. Никчёмная выдумка. Жестокая шутка. – Он проводит рукой по волосам и смотрит в потолок. – Я ошибся. Ты носишь в себе его дух. Это стало отчёт-

ливо видно с возрастом. Рядом с тобой его очертание. Он не влияет на тебя, на твои мысли. Пока. Но однажды это может измениться.

Смотрю на свои руки и верно, вижу зелёное свечение, исходящее от них. Раньше ничего подобного не замечала.

– Ты чуть не погибла в лесу, Абигейл. – Отец тоже смотрит на мои руки. – Твоя магия пробудилась.

– Я опасна для вас, отец? – голос меня не слушается.

– Не больше, чем я для тебя.

Слёзы льются по моим щекам.

Я не нахожу в себе сил их сдержать.

«Дай мне умереть!» – слова, которые я произнесла тогда в агонии боли.

Я должна была умереть при рождении.

Должна была!

Жизнь сейчас кажется долгим и невозможным сном.

– Из-за меня вы чувствуете себя так плохо?

Он качает головой и вытирает слёзы.

– Я должен был спрятать тебя от Альянса. Они чувствуют энергию Апоры. Если бы я не наложил на тебя скрывающее заклинание, они бы заявили к нам в замок, чтобы уничтожить тебя.

– Это заклинание забирает ваши жизненные силы?

Отец грустно кивает. Я закрываю глаза, чтобы сдержать нахлынувшие эмоции. Мне больно. В сердце воткнули нож и безжалостно провернули.

– Вы должны снять с меня своё заклинание. – Сама не верю, что произношу это.

– Абигейл...

Отец смотрит на меня серьёзно. И уверенно добавляет:

– Я никогда не сделаю этого.

– Вы обязаны, – возмущаюсь и встаю. – Моя жизнь не ценнее вашей. Вы умираете!

Отец поджимает губы.

– Я много лет представлял себе твою смерть, чтобы когда она станет явью – не сойти с ума. С каждым годом это становилось всё сложнее. Ты моя дочь, Абигейл, – он бьёт себя в грудь. – Моя! Я прямо сейчас готов лечь в могилу, если точно буду знать, что твоей жизни больше ничего не угрожает.

– Лорд Белфорд может помочь вам? – кричу в отчаянии.

Отец моргает. Он смотрит на дверь, а затем на меня.

– Он поможет. Но будь готова к худшему, дочка. Я не хочу давать тебе ложную надежду.

– Я выйду за него замуж, – резко говорю я. – Пусть только даст вам больше времени, папа. Пусть назовёт свою цену.

– Мне больно это слышать. Ты ничего мне не должна, Абигейл.

– Я не должна была жить. Вы совершили ошибку, и теперь расплатимся все мы.

Больше ничего не говорю и не смотрю на то, как разбивается жизнь в глазах отца. Он медленно оседает в кресло, ко-

гда я прокручиваю ключ в замочной скважине. Резко дёргаю дверь и выхожу. Холодно. Как же мне холодно.

– Стоит отрезать ваш язык. – Белфорд стоит в тени коридора, прижимаясь плечом к стене.

Я испытываю негодование и злость.

– Вы подслушивали?

– Вы тоже.

Киваю и молчу.

Внутри медленно рушится целый мир. Всё, что я знала о себе раньше, было ложью. Картина происходящего рисуется мне довольно размытой, все её детали остаются нечёткими. Сердце болит при мысли о брате. Где он? Почему не появляется? Испугается Райн, когда узнает всю правду обо мне? А может, уже узнал?

Погружаюсь в свои мысли и не сразу замечаю, что лорд Белфорд стоит в опасной близости от меня. Его рука медленно тянется к моей щеке. Я замираю, ожидая его прикосновения.

– Вы целовали меня? – спрашиваю прямо.

Он вздрагивает. Рука висит в воздухе в миллиметре от моего лица.

– А вы хотели бы?

Вопрос застаёт меня врасплох, потому я вскидываю голову, чтобы встретиться с его холодным взглядом. Если бы меня спросили, что бы он сделал, когда узнал о моём сне с его участием, я бы ответила: разозлился. Он держит руку

и не касается моего лица. Я прикрываю глаза и сама тянусь ему навстречу. Чувствую, как он замирает. Если бы он по-настоящему целовал меня, он бы не остановился. Он бы сжал мои бёдра своими сильными руками и распахнул бы полы моего халата прямо там, в коридоре. Затем он бы освободил тяжесть своего тела и наполнил бы меня собой. И я забыла бы обо всём в одно мгновение. Остался бы один только стыд. А с ним я бы справилась. И не такое переживали.

О том, чем занимаются мужчины и женщины по ночам, мне в подробностях рассказывала служанка Лора. Она вскоре вышла замуж и ушла из нашего замка. Её пылкие рассказы смущали меня по вечерам. Я не верила, что она рассказывает правду. Но теперь я чувствую огонь в собственном теле. Пламя ярости и желания. Я понимаю, что хочу сначала опрокинуть Белфорда на этот пол, а затем душить его, оседлав, пока он не захочет ответить мне той же жестокостью. Эта ярость клокочет в моей груди, заставляя дышать чаще.

Я смотрю ему в глаза и вижу, как лёд его серых глаз тает. Он изумлён? Удивлён? Напуган?

За спиной шумно открывается дверь. Отец замирает на пороге. Белфорд отнимает руку от моего лица и делает шаг назад.

– Ваша свадьба состоится завтра. – Отец обходит меня и останавливается рядом с моим женихом. – До этой минуты никаких глупостей.

– И в мыслях не было, – быстро произносит Белфорд.

Я удивлённо вскидываю бровь.

– К чему такая спешка, отец?

– Как только вы поженитесь, я смогу расплатиться по счётам.

Замечаю, как заиграли желваки на лице Белфорда. Ему неприятен разговор.

– Посвятите меня в ваши дела?

Отец смотрит на меня, но ничего не отвечает и молча уходит. Белфорд склоняет на мгновение свою голову и исчезает вслед за ним. Я остаюсь одна.

Глава 3

«Терять тебя я не готов. Скажи мне, нежная богиня, смогу ли я очнуться, забыв весь ужас страшных снов?»

Держу руку на ручке двери, ведущей в комнату Райна и не решаюсь повернуть. Он избегает меня? Дядюшка и тётушка тоже? За дверью тишина. Я уверена, что когда открою дверь, то встречу с пустой комнатой. И всё равно не решаюсь войти. Как быть, если они покинули замок?

Отец сказал мне, что передал им всю правду обо мне. Он сообщил, что я – носитель духа Пожирателя, тёмной сущности, о которой никто не осмеливается говорить вслух.

Набираю полную грудь воздуха и открываю дверь. В комнате Райна потушены свечи. Я тихо вхожу. Эта спальня, как

и многие в замке, украшена зелёной парчой на окнах. Здесь стоит широкая дубовая кровать с большим изголовьем. Я думаю о магии отца, о случившемся прошлой ночью, о своей магии. Внутри появляется дрожь, которая не даёт спокойно мыслить. Осторожно прохожу вглубь спальни. Замечаю согнутую фигуру брата. Он склонился над письменным столом. В спальне горит всего одна свеча, и сейчас он держит её в руках.

Я замираю и не решаюсь подойти ближе.

Он медленно поворачивает голову, замечает меня и отворачивается.

Внутри разбивается целый мир.

– Ты не хочешь поговорить?

Он трясёт головой, да так, что белые волосы летают туда-сюда.

Я вздыхаю.

– Почему ты избегаешь меня?

– Даже не знаю, можно ли тебе верить.

Дыхание перехватывает от боли в разбитом сердце.

– Зачем мне врать тебе?

Райн хмурится.

– А кто ты, Абигейл? – Он поворачивается ко мне лицом. – Моя сестра? Или жестокий бог Земного мира?

Он бросает на меня быстрый взгляд. А я думаю, что, должно быть, заставила его сомневаться в правдивости моей личности.

– Это – я, Райн. Я! Абигейл.

– Как понять, что ты не он? Как?

– Я не он! – произношу слишком грубо.

Он прячет лицо.

Я тихо продолжаю:

– Что изменилось между нами? Ты узнал, что я маг и что... – мне тяжело даются слова.

– Если бы ты была просто магом, Аби, – он с глубоким отчаянием произносит моё имя. – Ты тот самый младенец, о котором мы слушали в детстве легенды. Понимаешь? Это ни выдумка, ни обман. Ты – Апоро!

– Ты ошибаешься. – Сердце в груди неистово бьётся от обиды и несправедливости.

– Я просто не могу в это поверить. Просто не могу.

– Ты говоришь так, будто это тебе сообщили страшную новость о твоём рождении! – срываюсь на крик и отворачиваюсь от брата.

Он молчит. Я стремительно выхожу и бегу. Волосы бьют по лицу и липнут к влажным от слёз щекам. Захожу в свою спальню и прикрываю за собой плотно дверь. Лиловое платье брошено на пол, шкаф открыт, одежда на вешалках в беспорядке. Всё выглядит так, будто кто-то искал здесь что-то. Поворачиваюсь, осматриваю комнату свежим взглядом – ищу что-то необычное. Ничего подозрительного не находится.

Снимаю халат и иду к кровати. Перебираю воспомина-

ния о сегодняшнем дне. Протягиваю руку к тумбочке и открываю первый ящик. Там на пухлой бархатной подушечке лежит серебристый кулон с маленькой птичкой. Я беру его, поворачиваю, рассматриваю. На первый взгляд ничего особенного, обычная маленькая птичка и серебряная цепь. Но вдруг камень начинает светиться. Отнимаю руку от кулона, и свечение прекращается. Непонимающе смотрю на подарок брата.

Что это за странное свечение и почему его раньше не было?

Медленно иду к кровати. Валиюсь на мягкие простыни. Сердце в груди прерывисто бьётся. Завтра моя свадьба. Никогда не думала об этом раньше. Испытываю чувство вины за то, что сама ничего не сделала для отца. Всю тяжёлую ношу взял на себя он. Я очень многим обязана ему.

Оглядываюсь вокруг. Решаю спрятать кулон подальше от любопытных глаз и кладу его себе под подушку.

Ладони потеют.

Неужели я единственная несчастная во всех трёх Блуждающих мирах?

Закрываю глаза и проваливаюсь в беспокойный сон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.